



**Валериан МАРКАРОВ
Адель ХАИРОВ
Галина КАЛИНКИНА
Наталья КОЛМОГорова
Елена СЕВРЮГИНА
Александр АТВИНОВСКИЙ
Сергей ПУТЫШЕВ
Евгений ДОЛМАТОВИЧ
Елена КАЛАШНИКОВА
Елена ХАЛДИНА**

**ПРЕМИЯ
«ДИАС»**

СБОРНИК ПРОЗЫ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ "ДИАС-2020"

ПРЕМИЯ ДИАС: Сборник прозы лауреатов премии «ДИАС-2020» / Сост. Галина Булатова. – Казань, 2020. – 67 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Валериан МАРКАРОВ. Агнец Божий	8
Адель ХАИРОВ. Философ с безумными глазами	16
Галина КАЛИНКИНА. Тактиль	19
Наталья КОЛМОГорова. Чекиста	27
Елена СЕВРЮГИНА. «Звезда путеводная Римма»	36
Александр АТВИНОВСКИЙ. Мандарины	40
Сергей ПУПЫШЕВ. Метелица	50
Евгений ДОЛМАТОВИЧ. Прах к праху	53
Елена КАЛАШНИКОВА. Дорога домой	60
Елена ХАЛДИНА. Вот ведь судьба-то какая	65

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Стань творцом! И знай: творчество разнообразно. Это не только писание книг, картин, но делание любой вещи. И в творчестве вещей, идей и образов ты всегда мегачеловек. Ты увеличиваешь богатства мира, материальные и духовные, ты – сродни творящей силе природы».

Диас Валеев

Идея премии «ДИАС», озвученная в год 80-летия со дня рождения известного писателя, философа, основателя теории мегачеловека и общепланетарной религии Диаса Валеева (1 июля 1938 – 31 октября 2010) и поддержанная семьёй и близкими Диаса Назиховича, нашла своё воплощение уже на следующий год. В четырёх номинациях – «Дело», «Имя», «Абсолют», «Судьба» (аббревиатура ДИАС) – были объявлены первые лауреаты премии 2019 года, получившие в качестве призов шары из натурального камня (Диас Валеев окончил геологический факультет Казанского университета; шар – философский символ будущего, безграничности, объединения).

И вот – второй сезон премии. В нём приняли участие 96 авторов из 11 стран: Россия, Казахстан, Швеция, Украина, Болгария, Израиль, Узбекистан, Туркменистан, Грузия, Белоруссия, Австралия. В составе жюри были:

Майя Валеева (США), дочь писателя, член Союза писателей СССР, член Союза писателей РТ, лауреат литературной премии им. Г.Р. Державина;

Александр Воронин (Казань), писатель, драматург, председатель Казанского регионального представительства Союза российских писателей, лауреат международных литературных премий «Детское время» и «ДИАС-2019»;

Елена Крюкова (Нижний Новгород), поэт, прозаик, искусствовед, член Союза писателей России, лауреат литературных премий, в т.ч. премии «ДИАС-2019»;

Сергей Никулин (Иркутск), прозаик, геофизик, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, лауреат литературной премии «ДИАС-2019»;

Марина Полунина (Московская обл., г. Балашиха), поэт, прозаик, журналист, Гран-при фестиваля «Мцыри», лауреат фестивалей «Витебский листопад», «Русский Гофман», «Большой финал», «Крымское приключение», литературной премии «ДИАС-2019»;

Эдуард Учаров (Казань), поэт, член Союза российских писателей, Союза писателей РТ, лауреат литературных премий им. Салиха Гуртуева, им. Максима Горького, руководитель казанского литературного кафе «Калитка» Центральной библиотеки.

Лауреатами премии в четырёх номинациях стали 10 авторов, чьи конкурсные произведения публикуются в этом сборнике.

Галина Булатова

НАХОЖДЕНИЕ СЧАСТЬЯ

Международная литературная премия ДИАС совсем недавно родилась. По меркам и живых существ, и временных процессов она ещё младенец – ей всего год. В этом году – её второй сезон. И сезон этот, 2020 года, по-настоящему порадовал меня и, надеюсь, всех, кто работал в жюри; верю, порадует и лауреатов: на премию были представлены произведения, несомненно заслуживающие читательского внимания.

Что такое литературная премия? Это отнюдь не жажда, чтобы тебя обласкали и заметили. Хотя вся соль премиального пространства именно в отборе лучших и их награждении. Премия – и в литературе, и в других областях деятельности человека – это событие, где есть два главных, ведущих момента: соревнование и находка.

Соревнование, состязание – естественное для человека состояние: быстрее, выше, сильнее! – в спорте; интереснее, креативнее и важнее для людей – в науке... а что же в искусстве?

Внутри пространства премии ДИАС – это возможность обнаружения, нахождения оригинального, нового творческого имени. Находка в геологии – это золото, алмаз, нефть, руда. Земля отдаёт богатства, если ты их обнаружишь. Художник отдаёт людям свои сокровища. Время, события, дела, иные имена и иная информация наслаиваются пластами, накладываются друг на друга.

Трудно в потоке, в стремнине, в скрещении, в гигантском массиве современных текстов открыть воистину новое, небывалое. Премия ДИАС придумана именно для этого. Ведь она – имени Диаса Назиховича Валеева, а он сам был художником, философом, футурологом: пророком, как любая крупная личность, имеющая в жизни смелость напрямую работать с огненной материей Времени.

Так вот, этот сезон – сезон бесспорных открытий. Замечательные, такие разные, оригинальные, каждый со своим голосом, мышлением и образной системой, лауреаты второго сезона премии ДИАС – перед нами, читателями: Валериан Маркаров из Грузии, Александр Атвиновский из Оренбурга, Елена Халдина из Челябинска, Галина Калинкина из Москвы, Елена Калашникова и Адель Хаиров из Татарстана, Сергей Пупышев из Карелии, Евгений Долматович из Ярославля, Наталья Колмогорова из Самарской области, Елена Севрюгина из Мытищ – какая география, какие пространства у каждого за спиной! И – какие жизни и судьбы, что рождаются, являются, всплывают, вылетают из этих текстов – к нам, в наши судьбы и сердца. Так соединяются времена. Так начинают жить герои. Так выдумка становится явью, а реальность – художеством.

И теперь жюри выпускает в большой мир эти рассказы. Десять авторов идут к своему читателю. У кого-то уже есть свой читатель. А у кого-то эта премия – дебют.

Счастье лауреата в том, что теперь его узнают и прочитают. Пусть не миллионы. Как знать! А может, и миллионы.

Книги имеют свою судьбу, гласит римская пословица. Да ведь и люди имеют свою судьбу. Человек, занимающийся искусством, несёт ответственность не только за свой рассказ, стихотворение или роман: он в ответе за свою судьбу; за судьбу своих современников, которым вручает на суд и любовь, а может, на неприятие и ненависть – так тоже бывает – своё творение; за своё время. Это значит – за вечность.

Нам не дано понять и узнать вечное. Мы можем лишь посредством искусства на йоту, на миг приблизиться к нему. Литературная премия ДИАС в Татарстане, в Казани, происходит в конкретном пространстве-времени, но прикасается к вечности.

Пусть всем писателям, принимавшим участие во втором сезоне Международной литературной премии ДИАС, она принесёт подлинное счастье.

*Елена Крюкова,
член жюри Международной литературной премии «ДИАС-2020»,
Нижний Новгород*

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ «ДИАС-2020»

Номинация «**ДЕ**ЛО»



Валериан МАРКАРОВ
(Грузия, г. Тбилиси). Агнец Божий



Адель ХАИРОВ
(Россия, Республика Татарстан, г. Казань). Философ с безумными глазами

Номинация «**И**МЯ»



Галина КАЛИНКИНА
(Россия, г. Москва). Тактиль



Наталья КОЛМОГорова
(Россия, Самарская обл., ст. Клявлино). Чекита



Елена СЕВРЮГИНА
(Россия, Московская обл., г. Мытищи). «Звезда путеводная Римма»

Номинация «АБСОЛЮТ»



Александр АТВИНОВСКИЙ
(Россия, г. Оренбург). Мандарины



Сергей ПУПЫШЕВ
(Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск). Метелица

Номинация «СУДЬБА»



Евгений ДОЛМАТОВИЧ
(Россия, г. Ярославль). Прах к праху



Елена КАЛАШНИКОВА
(Россия, Республика Татарстан, г. Тетюши). Дорога домой



Елена ХАЛДИНА
(Россия, Челябинская обл., г. Касли). Вот ведь судьба-то какая

ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ, Грузия, г. Тбилиси

(Лауреат в номинации «Дело»)

Родился 16 апреля 1967 года в г. Тбилиси. С отличием окончил факультет истории, изучал управление бизнесом в США и Израиле. Был на преподавательской работе, трудился в ряде международных организаций и дипломатических миссий. Директор Международного образовательного центра в Тбилиси. Автор романов «Всему своё время», «Легенда о Пиросмани» и др. Лонг-лист Международной премии им. Ф.Искандера (Москва). Победитель (первое место) в Международном творческом конкурсе «Pirosmani Vibes» (Тбилиси). Лауреат X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» в Пятигорске. Финалист премии «На Благо Мира-2019» (Москва). Лонг-лист Московской литературной премии-2020.

АГНЕЦ БОЖИЙ

Новый год принёс с собой ужасы смутного времени. Тифлис, затаившийся в котловине, точно врытое в горы гнездо, оказался в тисках разрухи. На его улицах тьма – здесь не жгут газовых фонарей. Здесь нет работы. И нет мира. Повсюду стон и протяжные вопли матерей над телами убитых сыновей и мужей. И нет хлеба. На смену ему пришли болезни, мор от испанки, голод и угрюмые очереди в ночную стужу перед пустыми продовольственными магазинами. Утром полиция будет подбирать скрюченные тела тех, кто, не дождавшись хлеба, намертво замёрз этой ночью. Теперь по главным проспектам браво маршируют иностранные солдаты: британцы, немцы и шотландцы. Последних легко отличить – странные они, эти мужчины, на них юбки в клеточку. Что они делают в этой несчастной стране? Кто их сюда позвал? По ночам горожане просыпаются от грозных окриков, от стука оружейных прикладов и матерной брани. Город не в силах бороться с бандами разбойников, стреляющих прямо с фаэтонов. Не вместить ему беженцев с севера. И цены на жилье подскочили до невиданных размеров... Эх, где ты, старый добрый город – весёлый и пёстрый, шумный и деловой? Неужели ты умер, канул в прошлое?

Тогда, в начале 1918-го, никому не было дела до Пиросмани и его искусства. Одни духанщики закрыли свои заведения и скрылись в деревне до лучших времён в надежде переждать тяжёлые времена вдали от революционных пламенных перемен и ужасов первой мировой, другим было не до обновления вывесок. Они, когда-то с любовью и старанием разрисованные художником, пошли на жестяные трубы для печек-буржуек. И долго ещё сквозь копоть проступала на такой трубе гроздь спелого винограда и жареный поросёнок с редиской во рту.

А он, Нико, всё ещё находил в себе силы блуждать по обессилевшему городу, но каждый новый день повторял предыдущий. Бездёжно изнемогший Тифлис жил воспоминаниями. Настоящее было так на него не похоже...

Жить художнику было негде. Работы никакой. Но ведь он должен писать – писать каждый день, одолевая рези в груди, ломоту в пояснице, превозмогая лихорадку и этот страшный кашель, раздирающий в куски его лёгкие. Ему надо трудиться, невзирая на слабость в руках, вопреки голоду, холоду, несмотря на нарастающую темноту в глазах... А чем же ещё ему жить, если не писать? И он упорно продолжал ходить по знакомым, тысячи раз исхоженным местам – робко стучал в двери, спускался в заколоченные подвалы, заглядывал в пустые лавки, пересекал весь город от Дидубе до Ортачала... Когда-то здесь были «весёлые» сады, здесь лилась завораживающая душу музыка, звучало многоголосое пение. Здесь первым делом выбирали тамаду, потом назначали его помощника, потом с буйволиными рогами в руках произносились мудрые и глубокие тосты во здравие собравшейся воедино почтенной компании, один тост добрее другого, и люди пили тихо и достойно, а столы ломились от вкусной еды и янтарного вина...

Только ранней весной о Пиросмани всё же вспомнили. Общество художников Грузии, подталкиваемое усилиями братьев Зданевичей, издало постановление: «Если жив Пиросманашвили Николай Асланович, – узнать, где проживает, и оказать ему денежную помощь». Посланцу общества художников, молодому Ладю Гудиашвили удалось невообразимое – он раздобыл адрес, по которому якобы мог находиться бедный художник... Мол, отыскать его можно где-то в подвале на Потийской улице. Дверь рядом с мусорным ящиком.

Он смиренно лежал на давно отжившей свой век поломанной лежанке, укрытый старым пальто, неопределённого из-за своей заношенности цвета – не то серого, не то чёрного, и стучал зубами от холода. Рассвет тусклым освещением потихоньку просачивался в его крохотное, всё в трещинах, окно, озарив пустой ящик из-под фруктов, поставленный вертикально и служивший ему столом, и другой – точно такой же, но уложенный горизонтально, что был ему стулом. Слабый и болезненный лучик весеннего света перепрыгнул на его лицо, обнажив очертания щуплого тела, вокруг которого разбросана груда разного ненужного тряпья. А перед самой лежанкой, у стены, стоял подрамник, на котором закреплён большой чёрный кусок картона, загрунтованный ещё вчера. Рядом лежали кисти, тюбики краски и банка с водой. Это скудное «имущество», окружённое могильным холодом, помещалось в узкой, похожей на гроб лачуге со скошенным потолком, который на самом деле был не потолком, а лестницей, ведущей на второй этаж деревянного дома, затерянного на одной из самых грязных, самых глухих улиц тифлисского предместья Дидубе. Кто этот могущественный злодей, что, сердясь, загнал его сюда, чтобы окончательно убить безрассудно сопротивляющуюся его воле жизнь?

Его стон нарушил утреннее безмолвие. Из-под пальто высунулась седая голова с ещё закрытыми глазами. За ней вылезла отошала рука и стала вслепую искать кувшин с водой на поверхности ящика. Глубоко кашляя и издавая тихие стоны в этой сырой полутьме, человек присел на своём ложе, боясь опустить на булыжный пол свои заочневшие ступни. Ощущая боль во всём теле, он прислонился к стене и, стуча зубами от утреннего холода, опустошил весь кувшин, пролив на себя добрую половину его содержимого. После чего тело его неслышно сползло под пальто и затихло, оставив своего хозяина наедине с самим собой. Спи, Нико, пока спится... Спи и не думай ни о чём... Но заснуть не удавалось. Понемногу дом наполнялся голосами: недовольно скрипели открываемые кем-то ворота, противно лязгала цепь от ведра, брошенного в колодец, стучали каблучки по лестнице у него над головой... Вот встанет он сейчас, выйдет во двор, а дети, которым невдомёк, что идёт война, что сейчас не до озорных игр, опять начнут его незлобно дразнить, весело приговаривая:

*Николай-Николай,
Сиди дома – не гуляй.
А то барышня придёт,
поцелует и уйдёт...*

Да, но откуда этот стук? Как палкой по голове. Кто это? Хозяин? А вдруг полиция? Опять будут приставать, спрашивать у него паспорт, а где он его возьмёт? Хотя, если это не хозяин и не полиция, это могут быть хозяйские дети, выдумавшие теперь новую игру – бросаться камнями и стучать к нему не в стену, а в дверь? О, Господи... Нет покоя человеку на земле. И здесь, в этой берлоге, ему не отсидеться и не скрыться от людей... Надо вставать и идти отпирать засов... Благо далеко идти не надо – до двери всего полтора шага. Он, придерживаясь рукой за косяк, толчком открывает скрипучую дверь своей каморки, дневной свет со двора на мгновение ослепляет его. На пороге стоит фигура молодого человека, но против света его больные, привыкшие к полутьме глаза долго не могут разобрать лица стучавшего. Что-то зловещее чудится ему и, пугаясь, он отступает назад.

– Кто вы? – спрашивает он. – Кого вам нужно?

– Мне господина Пиросманашвили. Меня зовут Гудиашвили, – отвечает фигура. – Я художник. Вы не помните меня?

– Вас я, кажется, помню... Но если не помню – вы не обижайтесь на меня. Я стал совсем стар. И, кроме того, я давно уже нездоров, – сказал Пиросмани. И с грустью продолжил:

– В жизни бывают минуты светлые и горькие. Мне больше досталось горьких... Но прошу вас, проходите, господин Гудиашвили, будьте гостем. Садитесь вон туда, – он засуетился, показал гостю на ящик, а сам уселся на перевёрнутом ведре. – Вот здесь я и живу... Но... что же вам предложить? Вы, конечно, голодны с дороги. Есть немного хлеба – могу угостить. Вот! –

с этими словами он достал из самодельного шкафчика краюху чёрствого хлеба. Потом извинился, что «нет лимонада», и налил из глиняного кувшина стакан воды.

– Не беспокойтесь, – заволновался хорошо воспитанный молодой человек. – Не вставайте, пожалуйста. Я хотел сказать – мы о вас не забыли, господин Пиросманашвили. Я вас долго искал, и вот наконец нашёл!

– Вот вы говорите, меня ещё помнят... Может быть, даже и любят... Почему бы меня не любить? Я ведь никому не сделал ничего плохого! Они художники, но ведь и я художник. Все духаны Тифлиса мной расписаны. Разве может один художник помешать другому? Я люблю восход солнца – он меня радует. Лунный свет – всегда печалит, – вздохнул он. – Вас зовут Ладос, да?

– Да, Ладос... – гость, уловив момент, достал из кармана сто пятьдесят рублей и вручил их Нико, сказав:

– От имени общества грузинских художников. От ваших друзей. Примите это. Правда, здесь немного, но вам они пригодятся. Купите себе хлеба, краски. Это ещё не всё. Постараемся со временем снова помочь. Работайте, господин Пиросманашвили, и вы продержитесь. Не вечно же длиться войне?

Он не вымолвил ни слова. Только смотрел на гостя поражённым от удивления лицом. Потом медленно взял деньги и дрожащей рукой положил в нагрудный карман. Его сухие губы беззвучно шевелились, глаза расширились, в них Гудиашвили заметил влагу.

– Мне? От друзей? – недоверчиво проронил Пиросмани. – Мне? Значит, и правда помнят меня...

Тот встал со своего ящика:

– Мне пора уходить, господин Пиросманашвили... Извините меня. Меня дома ждут. Семья...

– Конечно, конечно, Ладос. Не стоит извиняться. Я понимаю. У всех есть дела, всем надо спешить. И, кроме того, здесь холодно, неудобно, сидит какой-то старик, кашляет, вздыхает, что-то там бормочет себе под нос. Жалко, что вам нужно уходить. А то я думал, я схожу, принесу немного водки. У нас же теперь есть деньги, и это совсем недалеко.

– Не надо, Николай Асланович. Не надо водки. Я не пью... Все это знают.

– Наверное, это очень хорошо – не пить. Вы молодой, Ладос. Вам можно не пить. А мне уже нельзя... Если я не выпью, я работать не могу. Пальцы не слушаются, и на глазах пелена. А выпью – легче становится. Когда я выпью, думаю: ещё не конец, Нико, ещё поживём! Ещё сделаем что-нибудь стоящее. Я ведь ещё не всё написал, что хотел. Не хочется умирать, Ладос! Ах, как не хочется, если бы кто знал...

– Вам нельзя умирать, Николай Асланович, вы – наша надежда. Молодёжь любит вас... Верит в вас, батона! Мы теперь все ваши ученики...

Спустя несколько дней некий Абашидзе, хозяин одного из духанов на Молоканской улице, дал ему работу:

– Эй, Никала, надо срочно пасхального ягнёнка нарисовать. Надо успеть!

– Боюсь, не гожусь я уже для работы, брат. Рука не подчиняется, глаза не видят...

– А ты не бойся, успеешь. До Пасхи ещё неделя осталась. Смотри, всё, что для работы нужно, лежит в углу: кисти, клеёнка, краски, – с этими словами он запер художника в чулане. – Пока не нарисуешь, Никала, тебя отсюда не выпустим. А если что-то захочешь, ты кричи – подадим с окна.

Нико услышал, как лязгнул холодный железный замок с обратной стороны двери и сердце его тоскливо дрогнуло, как у птицы в неволе... Он ощутил себя узником... Крохотная сырая лачуга в полторы квадратные сажени. Булыжный пол. Обломки каких-то старых кирпичей в углу, отсыревшие щепки и горстка угля, ржавый и дырявый мангал. Чем не мрачная темница в Метехской крепости? И за что с ним так? Чем он не угодил людям? Разве может человек жить в клетке и смотреть на синее небо из-за решётки?

Ночью, когда становилось невыносимо холодно, он разжигал мангал и ложился на торчащие из пола камни, и всё кашлял и кашлял от дыма, разъедавшего глаза и лёгкие.

В те дни в городе царила полнейшая сумятица и неразбериха. Нико, припав к узкому окну, видел, как вытянутые зловещие тени в военных бушлатах и сапогах кого-то тянули, тащили. Ноги бедняги в грубых рабочих башмаках отказывались подчиняться властям и отчаянно сопротивлялись. Раздались одиночные выстрелы. Громкий женский вопль пронзил ночное небо.

Несколько дней никто не вспоминал о Пиросмани, не принёс глотка воды или крохи хлеба. Ранним утром, спустя три дня, в Страстную пятницу, дверь его «каземата» тяжело заскрипела и отворилась. Вошёл духанщик с зажжённой свечой в руках. Волновался так, что и говорить даже не мог, только вытирал перепуганное лицо платком. Просил прощения, что не приходил. Рассказал, что скрыться им пришлось в кахетинской деревне всей семьёй, что в городе шли облавы на духаны, потому что там, якобы, укрывают врагов родины...

Вдруг взгляд духанщика упал на стену – прислонённая к ней, там лежала картина. «Пасхальный ягнёнок». И надпись на ней: «Слава Богу, что дожили до Пасхи. Христос Воскрес! Воистину Воскрес!»

Просто молодой белый барашек с пышным розовым бантом на шее, глядящий на мир грустными глазами. Здесь и пасхальный кулич, и крашеные яйца, и чёрные птички, слетающие с небес. Ягнёнок, пьющий воду из ручья, хочет жить, но птички уже прилетели за ним, и всё готово к празднеству людей... За несколько дней до Пасхи привели его во двор, украшали и всячески ублажали, дети расчёсывали его шёрстку и повязывали бантики вокруг шеи. В Пасху взрослые заколют его к праздничному столу, наивно полагая, что этот обряд задобрит Бога, что кровь невинного барашка смоет их собственные грехи, без покаяния...

Глупые, глупые люди! Они думают, что ягнёнок не знает своего конца, не знает, что его поведут на Голгофу? Нет, знает, прекрасно знает! Потому-то и глаза его полны такой тоски и обречённости – всё он знает и понимает. И всё-таки идёт. Идёт, потому что нет иного способа донести земную печаль до Того,

чьё милосердие испокон веков было последним прибежищем для измученной одиночеством и страданиями человеческой души.

В этом маленьком тельце пасхального ягнёнка поместилась наивная и открытая душа самого Нико Пиросмани.

Медленно перед глазами опускается что-то страшное и огромное. Запах смерти, витавший под низкими сводами подвала, въедается в кровь и лёгкие. Он явственно ощущал его сладковатое и удушливое присутствие. И холод, этот страшный холод подземного мира.

О чём сейчас думается ему, тяжело больному человеку, в жутком одиночестве, в эти длинные, тягучие часы предрассветной мглы, в зловещей тишине, нарушаемой лишь его собственным кашлем да звоном падающих капель воды? Что может ощущать он, кроме усталости от жизни, и чувствующий дыхание уже неотвратно надвигающегося конца? Эх, единственным его желанием является не выздоровление, не даже сама жизнь, наконец. Он за неё не цепляется. Сколько ещё ему жить? Разве он не выбился из сил? Всего лишь глоток, один глоток водки, – вот что ему нужно, чтобы только унять мелкую дрожь во всём теле, чтобы потушить этот адский, безжалостный огонь, сжигающий его изнутри.

Всю свою жизнь он жил чем угодно – только не головой. Но не молчал, многое успел сказать в сотнях своих больших и малых картин и тысячах вывесок. Кахетия подарила ему краски земли и неба, а он клал их на свои картины. Он – Нико Пиросмани, художник, которого мир почти не знал и не замечал, пока он жил, но перед которым он склонится в низком земном поклоне, когда поймёт наконец, что ОН совершил для человечества...

А пока его одолевали вопросы. Одни вопросы.

Почему еще в далёкой, ранней юности он бросил родную кахетинскую землю, и оказался в шумном Тифлисе? Почему, живя в семье Калантаровых, благожелательных и отзывчивых людей, относившихся к нему, как к сыну, он, уже будучи в достаточно сознательном возрасте, не позаботился о том, чтобы приобрести хоть какую-нибудь профессию, которая могла бы его прокормить?

Почему он в тридцать лет поступил на железную дорогу и почему ушёл с неё?

Почему он с таким азартом занялся молочной торговлей и почему бросил её как раз тогда, когда дело его начало процветать?

Зачем он потом месяцы и годы пил и кутил, гонял по Тифлису на фаэтоне и сорил деньгами со случайными попутчиками жизни, деля с ними радость и печаль? Почему он так никогда и не попытался завести свою семью, свой дом, где бы мог спрятаться от жизни и немного передохнуть, а остался под старость один, как перст? Почему заявил однажды, что одиноким пришёл он в этот мир – одиноким и уйдёт? Почему, открыв в себе талант, он никогда не требовал за свои работы ничего больше, чем стакан водки и кусок хлеба, да подстилку в каком-нибудь затхлом углу? Почему терпел унижения – одно за другим? Ведь жизнь и так коротка, чтобы всё время терпеть!

Почему он всегда уходил от всех, даже от самых искренних своих друзей? Почему он не ухватился за почитателей своего таланта, чтобы заявить о себе всему миру, потребовать от него то, на что имел право, данное ему свыше?

И по какой необъяснимой логике жизни он оказался сейчас здесь, в этом тёмном, сыром подвале, без денег, без хлеба, без друзей, оборванный и больной, почти потерявший рассудок, превратившийся в тень, в жалкое подобие человека, которого всё ещё удерживают на земле неведомые, но прочные корни?

Почему? Почему?... На эти вопросы не было ответа.

Темнеет его сознание, погружаясь в небытие. Прошедшее мешается с настоящим, и он уже не в силах разделить, что только кажется, и что есть на самом деле. Но разум и восприятие его легки, свободны и парят над ним, как сон. Никала ждёт его, как ребёнок, и радуется ему, ведь снится ему запах сена и парного молока. Снится покойная мать, он ощущает её мягкую руку на своей голове. Чувствует запах молодого вина из марани, ароматной киндзы и толчёных орехов, слышит весёлый собачий лай, блеяние коз и задорное кукареканье их петуха.

Он молод, и дух его парит над землей. И в снах он не изгой – нет, он полон жизни на этом вечном празднике, ведь без него не произойдёт ни одного застолья ни на земле, ни на небесах. Он и есть творец этого праздника! И по мановению его кисти, крепко зажатой в руке, обретают жизнь величественные Кавказские горы, стада тучных овец на их покатых склонах, стройная церковь с крестом на куполе, толпа крестьян и пышная свадьба, скачки на лошадях, и праздничный стол с едой и музыкантами... Как же прекрасен этот мир, и как мало в нём зла, и в каком единении и любви живут в его снах и горы, и земля, и люди, и всякая другая божья тварь! И слёзы текут тогда у него по лицу, и душа его содрогается от счастья и любви к людям, и он улыбается во сне самой лучшей, самой застенчивой и кроткой из своих улыбок. Каждый грузин немножко ребёнок, но мало кто встречал пятидесятишестилетнего мужчину с такой улыбкой и детской душой. От полного отчаяния его спасала только кисть и вера, очень простодушная и наивная вера, искренняя и преданная...

– Никала, – донеслось до него. – Никала! Это я, твой Гиорги. – Пиросмани приоткрыл глаза. Над ним стоял сам Святой. Он пришёл к нему, в подвал, где он лежал, никому не нужный и всеми покинутый. Святой Гиорги обнял его и заплакал.

– Не говори ничего, Никала... Я видел, как ты страдал, сколько перенёс бед. Люди не поняли тебя. Уж если Христа не поняли, тогда... А ты просто другой, Никала. Ты родился не для того, чтобы смотреть на землю. Ты смотрел вверх, а они думали, что ты гордый, задрал голову, «графом» дразнили. Люди то любили твою наивность, то она их раздражала. Но это не важно – главное, ТЫ их любил! Добрый ты... Даже сейчас, умирая, не сердишься ни на кого. Всех любишь. Тяжело это. Любовь – это всегда крест. Чем сильнее любишь,

тем тяжелее крест. Вижу я, Никала, легко тебе уходить – камня нет на сердце. Это свойство благородных людей... Слышишь стук за порогом? Это за тобой пришли. Но ты не бойся, Никала. Я ведь здесь! Проси же сейчас у Смерти Бессмертия! Только так ты останешься в памяти поколений...

...Аминь! Свершено... Осталось немного, и вылетит птичка и полетит свободно в мои чертоги. Маленькая лёгкая птичка – твоя душа.

...Ну пойдём уже домой, Никала. Здесь ты был лишь в гостях. Улыбнись теперь. Умирать нужно с улыбкой. К Богу ведь идёшь, порадуй Его улыбкой своей. Смотри вверх. Ты – НИКО ПИРОСМАНИ! Ободришь! Всё только начинается – самое доброе...

По прошествии субботы, ночью, на третий день после Своих страданий и смерти, Он силою Своего Божества ожил, воскрес из мёртвых. Свершился Его переход от смерти к жизни, от земли к небу.

Радостный звон с колоколен церковей плыл над православной Грузией. Хор не смолкал ни на минуту, а внутри храмов было полно света и благоухания. Люди... они, с надеждой на светлое будущее, были одеты празднично, на их лицах сияли улыбки, а в руках они трепетно держали красные пасхальные свечи и куличи.

По улицам Тифлиса, в лёгком сумраке весенней ночи, беззвучно плыли тысячи маленьких огоньков. Это прихожане возвращались от Светлой заутрени, прикрывая рукой трепещущее пламя свечей. Они несли эти дрожащие огоньки до дома, где зажигали от Святого Огня свои лампы перед образами. Теперь они, озарённые праздником, смотрели на мир с улыбкой и верой. Верой в то, что после Пасхи все станут лучше. Потому что ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Отыскать могилу Пиросмани не удалось и по сей день. А символическое захоронение – кенотаф в виде строгого серого камня – находится в Пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии на Святой горе Мтацминда, в столице страны, являющейся Уделом Пресвятой Богородицы и существующей под небесным покровительством Святого Гиорги...

АДЕЛЬ ХАИРОВ, Республика Татарстан, г. Казань

(Лауреат в номинации «Дело»)

Адель Ревович Хаиров родился в Казани в 1963 году. Учился на филологическом факультете Казанского университета. Журналист и сочинитель. Печатался в журналах «Литература», «Дружба народов», «Новая Юность», «Октябрь», «Крещатик», «Литературной газете». Лауреат премии «Русский Гулливер» в номинации «Проза поэта» (2015). Лауреат XII конкурса «Серая Шейка» в номинации «Художественная проза о детях и для детей» (2017). Лауреат литературной премии журнала «Татарстан» (2018). Автор сборника рассказов «Играй, не знай печали» (Казань, 2019).

ФИЛОСОФ С БЕЗУМНЫМИ ГЛАЗАМИ

Диас Назихович был монументален и стоял от остальных писателей особняком. Фуршетов и «междусобойчиков» игнорировал. Пьяное море плескалось у ног, а Валеев шёл по нему «яки по суху». В волнах захлёбывались таланты и бездари, хотя в самом начале купания они ещё уверенно рассекали винноцветную гладь. Потом силы их покидали. Одному из утопающих он протянул руку. Это был поэт-самородок Юра Макаров. Перед тем, как исчезнуть за гребнем волны, он оставил людям (благодаря стараниям Диаса Валеева) пару своих книжек.

Мы, молодые и зелёные, связывали творчество с разгульным образом жизни и вседозволенностью. Но, чтобы прийти к Диасу Назиховичу на занятия, надо было привести себя в порядок. Глаза у него были намётанные. И становилось не по себе под их прищелком. Что-то железное порой холодно сверкало из-под очков. Распоясанность следовало оставить в запущенном скверике с дежурным стаканом, растущим на ветке американского клёна. Может быть, таким образом он нас приподнимал? Показывал, что существует трезвое творчество, которое само по себе и есть высшее опьянение!

Драматургия Диаса Валеева пугала меня своей сложностью. Пойти по доброй воле на спектакль «День Икс» о Мусе Джалиле, пожалуй, мог только идейный комсомолец. Мы тогда на всё советское смотрели скептически. Свысока!

В то время я упивался «Иностранкой», которую брал в библиотеке. Ходил по городу и распевал стихи французского барда Жака Бреля – и эти строчки были про меня и моих друзей:

*С сердцами в тепле и холе
С глазами в кружке пива
У толстой Андриен из Монтилан
Мы пропивали свои двадцать лет*

*С другом Жожо и другом Пьеро...
Жожо воображал себя Вольтером,
Пьеро – Казановой, но а я, самый гордый,
Я воображал себя самим собой!*

Каждую неделю я обязательно посещал литературные занятия в одном из кружков. В Казани начала 80-х работало три литературных мастерских. Самая лояльная была в университете, занятия проходили в старой аудитории в виде амфитеатра. Руководил ею добряк Николай Беляев. Не припомню, чтобы он кого-то ругал. Повально хвалил, лишь изредка журил. Самой строгой была студия «Горизонт» при музее Горького, которую вёл Марк Зарецкий. У-у, он мог все пёрышки ощипать с тебя, вдобавок ещё и шкурку содрать! В основном, эти две мастерские были ориентированы на поэзию и короткую прозу.

Диас Валеев привечал как бы всех, но предпочтение мэтр отдавал всё же драматургам и романистам. Я их называл «марафонцами». К стихам и прозаическим зарисовкам отношение у него было, как у заядлого рыбака к прыгающей на дне лодки мелочи. Так здесь получил путёвку в большую литературу Евгений Сухов, он приносил сюда увесистые папки со своими первыми романами – это были страницы, прострелянные насквозь буквой «о», которые он строчил, как пулемётчик, на печатной машинке «Москва».

Диасу Назиховичу нравился фундаментальный подход, плавность и мощь большой прозы, неспешность разворачиваемого, как пароход, сюжета. Я со своими модернистскими стишками и рассказиками чувствовал себя здесь неуютно, как в прогулочном ялике, который отпихивает сильная волна. Но время, проведённое в стенах редакционного кабинета, услужливо освобождаемого ответсеком Мариной Разбежкиной, будущим режиссёром-документалистом, думаю, пошло мне на пользу. Я стал серьёзнее относиться к творчеству и потихоньку начал уходить от невнятного, но живописного модернизма в сторону реализма.

Когда в середине 2000-х я работал на местном телеканале, появилась возможность снять фильм о Диасе Валееве, чем я и воспользовался. Цикл документальных фильмов назывался «Соотечественники» и представлял собой ЖЗЛ Татарстана. Я набросал сценарий, договорился с героем о дне съёмок.

Помню, был стылый октябрь, и деревья стояли голые. Землю как будто бы посыпали крупной солью. Режиссёр сначала снимал Валеева за письменным столом, потом поменял ракурс – писатель подошёл к подоконнику, заваленному книгами и обронил: «Как сделать так, чтобы слово о Сверхбоге, проникло в сердце каждого: моя Миссия вестника, глашатая, я чувствую, близка к завершению...»

В это время за окном, за кирпичной оградой, прогуливались в одинаковых халатах психи. Ведь рядом на улице Волкова находилась клиника для душевнобольных. Философ их не видел, он всё больше распалялся: «Человек с универсальным планетарным мышлением, по сути своей, страшный еретик! Он

Фома Неверующий, всё подвергает сомнению. Ему тесно в смиренной рубашке своего времени, он рвётся из старых затхлых храмов на волю. И эта Воля – Ересь!»

Потом была приёмка фильма. В монтажную в строгом синем костюме вошла заместитель гендиректора канала ТНВ и, посмотрев минут пять, вынесла вердикт: «Так он же сумасшедший. У него безумные глаза!» Мы пытались спасти фильм, сгладили углы, сократили «опасные» места, но это не помогло. Оригинал первой версии был затёрт.

...Незадолго до ухода Диаса Назиховича я вновь оказался у него. Он сам позвонил и попросил починить розетку на кухне. Я взял инструмент, пришёл. «Безумные глаза» уже не так сверкали, но он неизменно интересовался жизнью: «Ну как там? Рассказывай. Что говорят, что происходит?»

Уходило лето, позолотив дорожки. Поблизости на Чеховском рынке солнышками светились дыни и трескали арбузы. Впереди была его последняя осень.

ГАЛИНА КАЛИНКИНА, Россия, г. Москва

(Лауреат в номинации «Имя»)

Родилась в Москве. Успешно прошла отбор и сдала вступительный экзамен в Литинститут, но позже окончила РГГУ. В 2002-2004 гг. была участником литературной студии поэта Александра Зорина «Керосиновая лампа» при РГУ имени Губкина. С 2016 г. слушатель школы литературного мастерства «Хороший текст»; автор-участник альманаха «Окраина» под редакцией Евгении Долгиновой. Лонг-лист четвёртого международного поэтического фестиваля «Дорога к Храму» (2019). Лонг-лист литературной премии «Антоновка» в номинациях «Драматургия» и «Поэзия» (2020). Публиковалась в журнале «Юность», в альманахе «Лучшее на Хорошем тексте».

ТАКТИЛЬ

Диди Датви. Секретики

Большая Медведица – Диди Датви – нынешним июлем угасала.

Она больше не поднималась со своей постели. Не выбиралась из дома во двор. Не умывалась ветром. Не дышала йодовым запахом с моря. Младшая невестка Нино само собой попала в сиделки; упорно каждое утро пыталась вывести старуху на воздух. Но Большая Медведица заартачилась: «Чего я там не видела».

А не видела она ничего. Зрячая от рождения, прежде счастливая взаимной любовью, родами сыновей. Не то теперь... счастье ведь долгим не бывает. И ушло оно с кончиной мужа – сердце у того оказалось мерцающим: то работает – тук-тук, тук-тук, то замирает. И замерло вовсе. И надо было в себе отыскать что-то для другой жизни. Надо было справиться. И все про неё думали – справилась.

А под старость и вдовство напала та хворь, что сделала незрячей. Тьма наступила не сразу. Постепенно темнота расширялась, а полоска света отступала, делалась уже и уже, вскоре исчезла совсем. Врачи говорили, в город бы ей. Но всё что-то мешало поехать в город. За три года Диди Датви привыкла к тьме.

Та болезнь не одну её скосила. Рассказывали, в селе слегли ещё трое. Тогда и трёхлетняя рыженькая Лизи слегла, но выкарабкалась. Симпатичная мордашка соседки Лизи, усыпанная веснушками, теперь ещё получила щербины, что-то вроде оспинок. Медведица в свою слепоту унесла рыжую ещё без отметин.

Теперь Нино молча сокрушалась, как сдала Диди Датви. Дозволяла себе слабость только во время визита двух Константинов: доктора и священника. Когда заходил доктор Константин и осматривал больную, Нино пряталась за

порог кухни, комкая рыдания в передник. Потом выслушивала вердикт. И не утешалась до прихода священника Константина. Священник был терпелив и смиренен. Даже когда Диди Датви вырывала свою руку из его рук, он осторожно продолжал говорить с больной о другом мире. Диди Датви отвечала: «Чего я там не видела». Священник кротко произносил: «Воскрес Христос, и радуются ангелы; воскрес Христос, и водворяется жизнь; воскрес Христос, и мёртвого ни одного нет во гробе». И Большая Медведица затихала, то ли дремала, то ли притворялась. С неё станется.

Нино знала, что ещё в начале лета Диди Датви сильно расстроили две новости. Снова не обещались вернуться сыновья из далёкой Твери, три года как укатившие на заработки. Да и другое известье не радостнее: Лизи увозят родители. Увозят совсем далеко, дальше далёкой Твери: в праздничный город Париж. И как теперь жить без маленькой ладошки, вкладывающей в твою усталую ладонь секретик?

– Угадай, что это?

Большая Медведица оглаживала, перебирала в руке тёплую гальку. Камешки терлись боками, поскрипывали.

– Ты вернулась с моря?

– Утром ездили купаться. Это было так весело! Мои братья ещё не умеют плавать. А я плаваю, как дельфин. Рассказать?

– Про кого?

– Про море.

– Чего я его не видела, что ли...

Другой раз девочка приносила орехи. Спелые, крупные. Она выдавала их за мелкие камешки. Но Диди Датви не проведёшь.

– Они не пахнут тинной и дохлой рыбой. Этот грецкий из сада внизу тупика. А фундук ты откуда взяла? Здесь не растёт такой крупный...

В другой раз Лизи приносила бобы, потом кукурузный початок, влажный вспотевший инжир, гроздь винограда, гранат, мандарин или тугую неспелую хурму. Шло время, и Большая Медведица следила за его круговоротом по секретикам Лизи: вот осень созрела, а вот и зима остудила округу.

Село их испокон веков мирное, оказавшись на передвинутой границе двух государств, вдруг потеряло покой. Получается, жители сёл, оставаясь в своих домах, как бы отходили на новые места, прикочёвывали к границе. Как будто оседлые стали кочевщиками.

Семья Лизи вроде и из местных, а вроде и из приезжих, как на то посмотреть. Все знали, мать её – художница из непогожего Питера. А Лизи знала, что маму папа украл. И такой шаг не по душе ни его родне, ни её. За пять лет у Лизи трижды менялись дома. И на шестом её году родители ещё с двумя малышами-погодками оставались в пограничном селе в примаках. Хотя до родного дома рукой подать, но туда послушникам не войти. Вот и живут в приживалах у чужих людей. Не близко от моря. И горы только на горизонте. Зато совсем рядом виноградные плато, кукурузное поле, речка в каменистом русле, самшитовый забор, колодезь с родовым эхо. Их домик по сравнению с

домишкой Диди Датви казался молодым и не уставшим; дряхлая сахли старухи доживала своей век.

- Почему тебя зовут Медведицей?
- Был случай. Я защищала своих сыновей.
- Значит, ты не родилась маленьким медвежонком?
- Я была такой, как ты.
- У тебя есть карточка?
- Наверху. Но я много лет не хожу туда.
- Так давай сходим!
- Что я там не видела...

Нижней частью дом Диди Датви как бы намертво врос в землю, был тёмный и тесный. Верхней – с застеклённой по кругу верандой – просторно, светло, но пусто и безжизненно. Теперь Диди Датви ловила едва слышимый шаг со второго. Вот ножки протопали в зал, вот – в комнату над садом, вот простучали ботинками в спальню. Здесь задержались и бегом обратно на веранду. Нино с трудом открыла поржавевший замок. Сама и шагу не сделала внутрь. Никто годами не взбирался лестницею наверх, там стало пыльно и мертво. В зале на полках румынской полированной стенки выцветали фотографии. В комнате над садом чехол швейной машинки прикипел к основанию, попробуй кто открыть – не вышло бы. Иконы по углам молчали. Спальня затихла с тех пор, как схоронили главу дома. Больше ни один день Диди Датви не ночевала здесь. Не спала на двуспальной кровати, не гляделась в трельяж, не открывала шифоньер. Теперь шкаф рассохся, амальгама зеркала потускнела и зацвела, не застеленная кровать с четырьмя резными шишечками по углам походила на музейный экспонат.

В отличие от верха низ жил каждодневной кутерьмой и еженощной передышкой. В кухне звенела посуда, пёкся хлеб. В зале на столешнице старинного буфета, инкрустированной шахматною доской, разыгрывалась долгая партия. Доктор Константин передвигал белую фигуру на выходе, священник Константин делал ход чёрными по окончанию визита. Лизи любила сидеть за круглым столом посреди зала и болтать с Диди Датви.

Иногда Лизи хитрила, Диди Датви попадалась.

- Что ты даешь мне пустую ладонь?
- Она мокрая?
- Мокрая.
- Значит, не пустая. В ней дождь. Идём, я покажу тебе его.
- Я не глухая, такой ливень не услышать!
- Нет. Ты должна его увидеть.

Нино замирала с миской мамалыги в руках, глядя на то, как рыжая пигалица поднимает рыхлую слепую старуху смотреть на струи дождевой воды. Большая медведица в хлопковом синем сарафане довольно быстро передвигалась по дому. Её руки хорошо знали дорогу: спинка кровати, столешница с гобеленовой скатертью, дверной косяк с ключом на гвоздике и шнурком-кисточкой вдоль – дёрни, зажжёшь лампу под абажуром. А

маленький проводник зорко следил за передвижением. Старуха в разношенных шлёпанцах вставала на порожке, до которого едва не добежали ручьи. Никто не закрывал дверей и окон, всё равно отвесные потоки не попадали в них. Ливень заливал фруктовый сад на взгорке и орешник в низине, сарайчик с прогнившей крышей, брошенную летнюю кухню. Ливень переполнял давно не чищенный колодезь с богатой родословной эха. Ливень гнул к земле дряхлую хурму и подгнивающий инжир у входа в дом. И всё же мощные его струи несли облегчение, обновление, чистоту.

– Видишь, видишь?

– Вижу. У меня белая пелена вместо тьмы. Теперь на два часа зарядил, не меньше.

Когда мать привела Лизи прощаться, старуха как-то странно заплакала, гортанно, низким голосом, будто подавилась и закашлялась. Её собственные внуки давно выросли и учились один в Тбилиси, другой в Сухуми, третий в Твери. А пигалица обладала тем, чего уже лишилась сама Диди Датви. И теперь у Медведицы неожиданно обидно, с ужасающей беспощадностью, отбирали девочку. Но если открыться им, попросить, её чувства примут за выверты старости, обвинят в блажи, мол, вцепилась в свежую кровь.

Лизи казалась растерянной и смущённой. Она вложила в ладонь старухи монету.

– Деньги? На что они мне?

– Так...

На том и расстались.

И теперь Нино ежедневно комкала рыдания в фартук: Большая Медведица нынешним июлем больше не поднималась. Сильно сдала, угасала...

2. Лизи. Соборная площадь

Дорога до места почему-то совсем не запомнилась Лизи. Она слилась в несколько снов и просыпаний, рёв малышей-братьев, беготню с сумками, крики матери: «Лизавета, не отставай!». Лизи запомнились аэропорты, переливчатые мелодии и женский голос по громкоговорящей связи – откуда-то с неба. Потом такси, очередь вдоль серой стены, мама, кормящая младшего в комнате матери и ребёнка, папа Гулливером вышагивающий по коридору. Потом девочка видела, как родителям сажень намазали ладошки, усадили за стол и с ними разговаривали сначала тётя, потом дядя в форме. Вокруг она чаще других незнакомых слов слышала слово – апатрид. Ожидające у серой стены переговаривались, куда направят: в лагерь в Кале или в Лилль, поселят в контейнеры или палатки. А из лагеря не выйти, не выехать. Потом звучало слово Монтпельер, Монтпельер. Но семью Лизи оставили в Париже.

Чайник со звонком и чудо-печка, гревшая еду, недолго радовали. К удобству быстро привыкаешь, гораздо дольше тебя мучит недостающее. Мама и папа весело обустроивались, казались неунывающими, почти счастливыми в своём доме. Братья друг за другом топали по двум тесным комнатухам, одна

из которых считалась спальней, другая столовой-кухней. А Лизи всё больше сидела на подоконнике. Отсюда, с четвёртого этажа, виднелся козырёк над крыльцом подъезда, два дерева с разлапистыми листьями, перекрёсток и часть площади с собором.

Под каштанами возле площади Сакре-Кёр мама рисовала быстрые портреты туристов. И когда удавалось уговорить прохожего усесться на низенький стульчик, Лизи в сторонку откатывала коляску с братьями: маму нельзя отвлекать. На площадь слетались голуби и, едва успокоившись на брусчатке, вновь вспархивали в воздух, трепетали, курлыкали, о, Жатте, Жатте, и кружились в танце. Мама говорила, что птицы танцуют фарандолу. Но Лизи такого танца не знала. Собор важничал, выставлялся самым главным тут на площади, следил витражами за растерявшейся рыжей пигалицей, птичьими стаями, прохожими, художниками и музыкантами. Лизи вспоминала узкую полутёмную церквушку в селе. Но боялась нависающего светлого собора.

После рисунка мать вела детей кормить голубиные стаи и слушать уличных музыкантов. Музыканты на площади день за днём выступали одни и те же. Скоро Лизи запомнила девушку, такую же рыжую, как она сама. Девушка казалась очень смешливой, подмигивала Лизи, гудела в кулачок, изображая трубу, а потом пела, озорно переглядываясь то с одним своим гитаристом, то с другим. Ей строили смешные рожицы в ответ. И публика улыбалась. Изабель тоже заметила рыжую Лизи. Большая чёрная шляпа на земле быстро наполнялась монетами, а иногда и бумажными деньгами. И Лизи хотела положить в шляпу денежку. Но мама так строго сказала: «Лизавета», что больше спрашивать не пришлось. Зато теперь ей разрешили сразу после рисунка, минуя любимое братьями кормление голубей, бежать к музыкантам. Девочке очень нравились французские песни, и ежедневные встречи с музыкантами примиряли с чужим городом, домом-клеткой, городской жизнью. Но где её поля, где гора на горизонте, где пенистое море, где колодезь с эхо, где самшитовый забор, где сахли Большой Медведицы? Их больше не увидеть? Так хотелось на весь день убежать на виноградник. Но мир теперь был очерчен границами – только окрестности Сакре-Кёр.

– Мама, мама, вот бы собор показать Большой Медведице!

Мама морщилась, как от зубной боли.

С приходом осени и отец, и мать стали надолго замолкать и прятать глаза друг от друга. Матери посоветовали больше не рисовать на площади. Отец устал от ожидания решения в их голубятне и так же, как Лизи, помнил о вечнозелёной жизни у себя дома: сентябрь, счастье виноградарей. Прежними весельчаками оставались только малыши. Казалось, мальчишки скоро бегло заговорят на чужом языке. В сентябре с площади вдруг пропала рыжая Изабель с гитаристами. Их место тут же занял парень с электропианино.

Зарядили мелкие скучливые дожди. Лизи теперь всё чаще оставалась сидеть у окна. Голуби на подоконнике курлыкали своё: о, Жатте, Жатте... Папа всё обещал рассказать про голубиную почту. Лизи уже давно писала письмо Диди Датви.

3. Партия. Монета

Партия завершилась так: доктор приходил всё реже, священник – всё чаще.

Нино дала телеграмму в Тверь.

Большая Медведица кряхтела, вздыхала, иногда вычитывала по мелочам снохе, но больше молчала, отвернувшись к стене. Смотрела куда-то поверх плюшевого ковра с рогатым оленем. Там прежде, в зрячие времена, висел портрет родителей: мамы с чёрными косами поверх подвенечного платья и отца в кафтане с газырями. Оба молоды и схожи сросшимися у переносицы бровями. Портрет, конечно, там и оставался. Чья бы рука поднялась передвинуть что-то в доме Диди Датви?

Иной раз уставится в окно, долго смотрит. Спросит вдруг: «Голубь?». Нино выглянет: нет никого. Старуха опять к оленю отвернётся. Постепенно дом наполнялся чужими шагами. Чаще прежнего забежали соседки. Однажды Медведица уловила в шёпоте на кухне новости о семье Лизи: счастливы, в самом Париже живут, лёгкой и красивой жизнью. Вот так, без подробностей – лёгкой и красивой жизнью. Вскорости приехали два старших внука из Сухуми и Тбилиси. Диди Датви обрадовалась, послушала их голоса, подержала их руки в своих, искала в ладонях – пусто. И снова обратилась к портрету.

Священник совестил: «Одиночество не исцеляет». Медведица не отвечала, но то был не протест, не отказ от жизни, а её осмысление. Надсада будней ушла из рук, а сама жизнь теперь стала проживанием событий заново и воспоминаний о них. Дни отлетали. Она смотрела кино о себе. Но разве кому положено прежде времени мерить длину своей жизни?

В молчании больная различала всё больше шагов. Вот пришла золовка, вот – средняя сноха, ненадолго заглянул брат – сам старик, редко выбирается из дому. Вот проплыла крейсером толстуха Аша, шарканья её растоптанных бахил ни с чем не спутаешь. Стул нещадно закрипел под толстухой. А какой тоненькой в девушках была! Вот смущённо пробрались Смородиновы, муж и жена. Поначалу соседи смеялись над привычками двоих русских, потом даже завидовать стали – Смородиновы всюду вместе. Мактина скинула туфли на каблуках, от порога прошлёпала босиком. А всё равно её упругий воинственный шаг сразу разберёшь. Сейчас станет и тут устанавливать свои порядки. Узнавать по шагам казалось проще, потому что, заходя в дом, все говорили приглушёнными голосами, на два тона ниже, шипели, свистели – будто осипли, перешептывались – будто в доме покойник. Такое почтение даже забавляло Большую Медведицу.

Ночами из сада тянуло увяданием, землицей, и запах палой листвы уже перебивал запах моря. Но вечера ещё стояли душные, окон не затворяли и на ночь. Вот и Дарико наконец пожаловала под вечер. Старинная подруга: никто больнее не бил, никто скорее не утешал. Диди Датви даже на двух свадьбах у той побывала. Второй брак – с абхазцем – у грузинки Дарико вышел прочнее и

плодовитее первого. Теперь у Дарико уже семь внуков, и она частенько с упоением повторяет своей подруге: «Тебе меня не догнать». Это с острого языка Дарико прилепилось к подруге прозвище Большая Медведица. И мало кто в селе, кроме ближайшей родни, помнил её имя от рождения – Марина.

Когда муж Марины ещё не знал о своём мерцающем сердце, то увлёкся охотой по перу: приносил домой подстреленных кекликов и вальдшнепов. Иногда для охоты брал займы у соседа самку ястреба. Ястребиха однажды и налетела на мальчиков. И пока охотник растерянно наблюдал за взбесившейся птицей, Марина ковровой выбивалкой отогнала обидчицу от кричащих малышей.

С чем же пожаловала Дарико? Эээ... что-то стихла подруга, винится. Рано тебе, Дарико, исповедоваться. Стоит Диди Датви припомнить про самую вкусную в округе акурму, как мироносица Дарико взовьётся, оспаривая первенство. И куда денется оплакиваньё?!

А Дарико, конечно, не оправдывала оппозицию Диди Датви и прежде не поддерживала её странную дружбу с соседской девчонкой. Что за дружба между старухой и дитя? Кто лучше Дарико понимал Большую Медведицу? Нет таких. С каждым сомнением Марина шла к Дарико, с каждой болью, с каждой обидой на мужа. А как упоительно давать советы другим и сострадать чужой неурядице! И вдруг вместе с навалившейся слепотой возник раскол между подругами. Ширилась полоса отчуждения между ними, отодвигая всё дальше: вот только в обнимку были, а вот уже и вытянутой рукой не достать. И Дарико закусила губу: ей нашли нелепую замену. Едва она собиралась в дом Медведицы с новостями, её вприпрыжку опережали красной кожи сандалики. Дарико сквозь открытые окна слышала, как весело тем двоим. И разворачивалась восояси. Так было до отъезда Лизи. И после отъезда девочки Дарико снова не шла к подруге. Ждала, когда та позовёт. Паузу держала.

Но теперь с особой новостью Дарико сама заявила в дом Диди Датви. С такой новостью, от которой сердце Большой Медведицы ойкнуло.

В доме бабушки Лизи ещё ночью всё пришло в движение. Домочадцы взбудоражены ночным приездом. Непримируемая прежде бабушка смиростивилась и приняла беглецов – по внукам смертно скучала. И все были бы счастливы возвращением, но в дороге Лизи заболела. Теперь распласталась в жаре и лихорадке. Когда доктор Константин определил ангину у ребёнка, выписал рецепты, Дарико как раз привела в дом Большую Медведицу.

Диди Датви шарила поверх одеяла, искала руку девочки.

– Монета? Ты догадалась?

– Будто в море бросила, чтобы вернуться...

– Я привезла тебе секрет. Мама!

Мать развернула газетный свёрток и что-то из него вложила в руку дочки. Тут же снова встретились руки Диди Датви и Лизи. Мать с тревогой отошла в сторону.

– Ну, угадай!

– Он лёгкий. Не ровный. Будто пустой...

- Угадай, угадай...
- Это не грецкий орех и не фундук...
- Ни за что не отгадаешь! Я привезла тебе кугурдон. Ты ела каштаны?
- Тебе нельзя говорить. Ложись.
- Ты была в Париже?

Диди Датви в тёмно-зелёном платье с атласным отложным воротничком, свежая, светлая и праздничная восседала на стуле возле кровати Лизи.

- Чего я там не видела?!

НАТАЛЬЯ КОЛМОГорова, Россия, Самарская обл., ст. Клявлино

(Лауреат в номинации «Имя»)

По образованию педагог. Член Союза профессиональных литераторов г. Самара. Автор книг «Когда ты был Богом», «Время собирать звёзды», «Чужие мои дети» и др. Публиковалась в альманахах «Параллели» (Самара), «Чем жива душа» (Ярославль), «Писатели 21 века» (Германия). Лауреат нескольких всероссийских и международных конкурсов, в т.ч. обладатель медалей имени Маяковского (Москва, 2018), «Хранители наследия в действии» (Прага, 2018), знака лауреата «Звезда Рождества» (Запорожье, 2016).

ЧЕКИТА

Лёлька родилась в далёком 1934 году.

Мать разродилась ею, Лёлькой, в срок, напророченный бабкой-повитухой.

Бабка заранее протопила баню по-чёрному, надела на роженицу Татиану исподнюю рубаху, кинула в топку берёзового дёгтя, чтоб никакая холера к младенцу и роженице не прицепилась.

– Тужься, милая! Дитё правильно идёт, вперёд головкой.

Отец Лёльки в это же самое время сидел подле амбара и, скрутив «козью ножку», мял её в руках, пока не сломал вовсе, так и не поднеся сигарку к иссохшему рту.

– Девка народилась – здоровая, ладная... Имя теперича с Татианой глядите по Святцам.

Отец зыркнул на повитуху из-под козырька нового картуза:

– За помощь спасибо, да на кой ляд мне твои Святцы?.. Коммунист я, в Бога не верую. Дочку Чекитой звать буду, в честь «ЧК» компартии.

– Чаво? Да ты сдурел, никак, Василий! – повитуха утёрла со лба пот, всплеснула сильными, обнажёнными по локоть руками и стала похожа на злую куру-наседку.

– Чекита, и баста!

Василий был от рождения упрям, политически подкован и верен идеалам революции. Не зря на заседании правления колхоза его кандидатуру единогласно утвердили председателем этого самого колхоза «Красный Октябрь».

– С ума вы, что ли, все посходили? У Силантия девку Революцией кличут, у Матроны – Октябриной. Тьфу!

Бабка в сердцах кинула в Василия окровавленное полотенце – «иди, забирай свою красоту» – и заковыляла домой.

Спустя почти полгода в правлении колхоза родителям торжественно вручили выписку из метрики, где синими чернилами по белому было писано: «Чекита Васильевна Прохорова, уроженка села Михайловка, Самарской области. Родилась 22 октября 1934 года».

Некогда было родителям пестовать да лелеять дочку.

Отец – то на скотном дворе, то в поле, то на партийном собрании. Мать по хозяйству – цыплят покормить, печь истопить, жрать приготовить.

Вся надежда на свекровь, бабушку Ненилу.

А Ненила, хоть стара да глуховата, хороший пригляд за дитём имела: то в зыбку посадит покачать, то куклу в руку малютке даст, то песню затянет.

Куклу для дочки отец выстругал ладную, из чурбачка липового. На голове – косыночка красная, глаза да брови угольком прорисованы.

– Мама, идите с дитём погуляйте, погода – как в раю, – просит Татiana свекровку.

– Ась? – откликнется Ненила.

Татiana подойдет ближе, наклонится, крикнет в самое ухо:

– Гулять, говорю, идите! Я покамест зерно запарю для пороса.

Ненила негнушима узловатыми пальцами укутает малышку, да айда на улицу.

Сама сядет на завалинке, а дитю старую овчинку подстелет – играйся, мол.

Дремлет Ненила на солнышке, а пригреется – уронит на грудь седую голову, не держащуюся на тонкой старушечьей шее; дышит чуть слышно – будто померла.

Глядела Ненила за внучкой, глядела, да недоглядела...

Пока старуха спала, Чекита по жухлой осенней траве поползла до корыта, что стояло поодаль, полнёхонько родниковой воды. Так напрочь вся и искупалась девка, с головы до пят...

Услыхала Татiana детский крик, выглянула в окно – похолодела от ужаса, будто сама искупалась в этой ледяной водичке. Схватила дочку, дрожащую и в крике зашедшую, и в дом понесла, на тёплую печку.

Всё бы ничего, только вода в ушки ребятёнку попала, и началось у Чекиты страшное воспаление.

Спohватились, да поздно – стала девочка по ночам кричать от боли, а потом чуть слух вовсе не потеряла.

Бабушка Ненила изъела самоё себя за недогляд, угасла на глазах и вскоре отошла в мир иной, на вечное упокоение...

Как-то раз посадил отец восьмилетнюю дочку с собой рядышком:

– На фронт иду, дочка, фрицев бить. Ты мамке по хозяйству помогай да за сёстрами приглядывай.

– Надолго, батя?

– Да не-ее, ненадолго... Вернусь – на дальнюю просеку за опятами пойдем.

– Чаво? За ребятами? – Чекита прикладывает к уху ладошку «лодочкой», чтоб лучше слышать отца.

– Эх, – горько вздыхает отец и заправляет за ухо дочери длинную прядь волос, а после заглядывает в ушную раковину, будто пытаюсь разглядеть причину Чекитиной глухоты.

На плечах Татианы остались в том сорок третьем году Чекита да две сестры-погодки – Верка с Галькой, а четвёртым Татiana была брюхата уж почитай как два месяца...

– Мамка-ааа, мамка-аа, – Чекита размазывает слёзы по худым щекам. – Мальчишки опять дразнятся-ааа!

Мать смотрит вроде бы на дочь, но Чеките кажется – сквозь неё.

– Не обращай внимания на дураков-то... Как дразнят?

– «Чекита – в саду калита», а Петька сопливый – «чекушкой»... а-ааа!

Татiana кладёт на голову дочери заскорузлую ладонь:

– Галька с Веркой где?

– На речке.

– Иди позови – картоху есть будем, да лепёшек с лебеды.

Ослушаться мамку – боже упаси!

Чекита уже занесла ногу ступить через порог, но вдруг передумала, развернулась к матери:

– Гальке с Веркой-то хорошие имена дали. Пошто меня Чекитой назвали? За какие такие грехи?

Татiana ничего не отвечает, только гладит свой округлившийся живот.

– Олькой теперь меня кличьте, понятно? Олькой, и боле – никак!

Так и стала с этого дня Чекита – Лёлькой.

Подружки-то быстро привыкли, а с мальчишками пришлось договариваться, и чаще – кулаками.

А за детишками вслед и взрослые как-то попривыкли...

Только Василий Прохоров так ни разу и не назвал любимую дочку ласковым именем «Лёлька», потому как погиб Василий в танковом сражении у села Прохоровка под Ленинградом в сорок четвёртом году...

– Это куды ж вы на ночь глядя так причипорились? – Татiana строго глядит на повзрослевших дочерей. – Зорька не доена, сено переворошить ишшо разок надобно.

– До клуба идём прогуляться... А Зорьку и Чекита подоить может!

Младшая, Наташка, народившаяся без отца, крутится подле мамкиной юбки и канючит:

– Тюрьку дай, с молочком.

Лёлька в это время просеивает муку через сито – свежую опару для хлеба затевает.

– Лёльку чего с собой не зовёте? – хмурит Татiana брови.

– Так мы скока звали – она не хочет. – Галька и Верка крутятся перед зеркалом, пожелтевшим от времени. Амальгаму давно съела то ли ржа, то ли другая какая зараза.

Лёлька не слышит разговор, но будто спиной чувствует, что говорят про неё. Она поворачивает к сёстрам улыбчивое, в мелкую веснушку лицо.

Чего бы Лёлька ни делала – она всегда улыбается!

И тогда, когда машет косой на цветущей поляне; и тогда, когда запрягает лошадь в сани; и тогда, когда грузит на подводку непреподъёмную охапку сена.

Но взгляд карих Лёлькиных глаз – всегда вовнутрь, будто она старается услышать в глубине своей души то, что другим не под силу.

Может, потому Татиана любит Лёльку больше остальных? А может, за то, что давняя вина, как чирей, не даёт матери покоя? А может, потому, что Лёлька – первая в доме помощница?

Лёлька, смеясь, и сама любит повторять:

– Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик!

– Ма-ам-ка-аа, – хнычет Наташка. – Тюрьки да-аай!

Татиана тяжело поднимается из-за стола, крошит в алюминиевую посуду корку хлеба, заливает молоком.

– Глядите мне, по клубам долго не шляйтесь! – Татиана вновь хмурит тонкие красивые брови. И сама она, Татиана, тонкая, стройная, с высокими бёдрами, правильными чертами лица – чем не красавица?

– Завтра затемно подыму – огород полить надобно, а после – в поле, картошку полоть.

– Ой, да знаем мы про то и про это! Каждый день – одно и то же, – отвечают дочери и выпархивают на улицу.

– Лёлька, иди Зорьку доить – вон как орёт, сердешная, – громко говорит Татиана. – Чево-то мне сегодня неможется.

– Щас, иду, – отвечает Лёлька и идёт в сарай, позвякивая подойником...

Утром Лёлька заглядывает сёстрам в глаза:

– Кто вас давеча провожал?

– Ой, Лёлька! Чево в клубе было!.. Мужики самогона жажнули, опосля все передрались. Ваньке-Жердяю аж зуб передний вышибли!

– Чаво? – Лёлька по губам говорящих пытается разобрать то, чего не может донести слабый слух.

Но сёстры, не заботясь о том, поймут ли их, строчат, будто из пулемёта.

Лёлька, склонив голову, внимательно слушает пару минут, затем улыбка медленно сходит с миловидного Лёлькиного лица.

Она в сердцах пинает пустое ведро, попавшее «под руку», и, хлопая дверью, выбегает из избы вон.

И там, за углом амбара, даёт волю слезам – горьким и безутешным...

К Лёльке снова сватается старый бобыль Косолапов.

– Иди замуж, Лёлька! Стерпится – слюбится, – увещевает Татиана.

– На кой он мне сдался, старый чёрт? Я с ним не то что – в кровать, на одном гектаре ср... не сяду!

Мужиков в деревне – ой какой дефицит! Кто на войне сгинул, кто женился давным-давно.

Глухая-то – кому нужна, тут хороших девок – хоть пруд пруди.

– Ты во всём виновата! – кричит в сердцах Лёлька на мать. – Чево не доглядела? Зачем старухе нянькать отдала? Кому я такая теперь нужна?

– Кабы знать наперёд, – отвечала Татiana и украдкой вытирала слёзы...

– В райцентр завтра едем, в больницу. – Татiana собирала в сумку какие-то бумаги.

– Чаво я в больнице-то забыла? – удивилась Лёлька.

– Люди сказывают, аппарат слуховой можно заказать, слышать хорошо станешь.

Лёлька светлеет лицом, в глазах плещет надежда:

– А деньги откуда возьмём?

– Вот бычка на мясо сдадим – при деньгах будем.

Лёлька, как сумасшедшая, кружится по комнате...

– Ольга Васильевна, вы меня хорошо слышите?

Лёлька, от налетевших на неё звуков, точно в ступор впала – слова не может вымолвить.

Так и сидит перед доктором – открыв рот и выпучив глаза.

– Вижу, что слышите меня хорошо, – врач понимающе кладёт на Лёлькино плечо аккуратную, с розовыми пальчиками, ладонь.

– Слы-ышу-уу, – растягивая звуки и улыбаясь, отвечает Лёлька.

И в душевном порыве целует врачихе руку...

С этого дня ничего особенно не изменилось в Лёлькиной жизни.

Так же, как и прежде, она косит, сеет и пашет за троих.

Галка с Веркой уехали в город учиться, младшая, Наташка, была пока при матери.

Татiana сильно сдала за последние годы, поэтому все заботы по хозяйству свалились на Лёлькины выносливые плечи.

И хотя Лёлька теперь прекрасно слышала, она по-прежнему говорила мало и неохотно, но также много улыбалась.

За годы своей глухоты Лёлька научилась о многом молчать.

– Ольга Васильевна, у вас ни разу не было мужчины, ведь так? – врач бросила металлический, похожий на щипцы, инструмент на железный столик у гинекологического кресла.

Этот громкий звук металла о металл заставил Лёльку содрогнуться и сжаться от страха.

– Не было, – краснея, выдавила Лёлька.

– Одевайтесь, я выпишу вам направление на операцию.

– Операцию? – Лёлька ощутила сильную дурноту.

– К сожалению, да. Против природы, Ольга Васильевна, не попрёшь.

– Где ж их взять, мужиков-то, а, доктор?

Врач неопределённо пожала плечами, дыхнула напомаженным ртом на круглую печать, а потом поставила подпись-закорючку в направлении в преисподнюю – на хирургический стол...

Лёлькино лоно спустя пару недель располосовали вдоль и поперёк, а после того, что осталось, сшили суровой медицинской нитью. Живи как-нибудь – не тужи...

– Лёлька, глянь чево принесла. – Татiana стояла подле кровати прооперированной дочери.

В руках Татианы – блюдо со свежими, источающими аромат, сотами.

– Нынче Михайловна угостила... Кушай, тебе надобно, сил набирайся...

Ох и мёда в этом году уродилось!

Лёлька опускает указательный палец в янтарную лужицу, растёкшуюся по тарелке.

– Новости у нас, – Татiana тщательно подыскивает слова. – Наташка замуж засобиралась.

– Пущай идёт, пока берут, а то останется в девках, как я.

– И то правда... У меня и силов-то совсем мало осталось. Сколько ишшо отмеряно – одному Богу известно, – вздыхает Татiana.

Лёлька отламывает истекающий мёдом восковой кусочек, кладёт в рот, жмурится от удовольствия.

– Зорька моя там как?

– Скучает Зорька. Сядешь доить – лягается, к твоим рукам привычная.

– Да, состарилась Зорька, молока всё меньше да меньше даёт. Куры целы? Коршун, чай, не перетаскал?

– А Жулик-то на што? Не зря кусок хлеба ест – охраняет курок-то. На ноги подымешься – курку зарежем, гостей позовём... А можа тебе куриный бульон на днях с оказией отправить?

– Можа отправить, – отвечает Лёлька и отворачивается к стене. – Спать хочу. Ты ехай, мама, домой.

– Ладно, ладно! Отдыхай, дочка...

Бабье лето свалилось неожиданно, как снег – на голову!

Солнце ласкало лучами первую пожелтевшую листву, играло бликами на куполах церкви, золотом чешуи плескалось в реке...

Сегодня Лёлька шла по райцентру в новом крепдешиновом платье цвета зрелой вишни.

Лёлька достала платье из сундука всего третий раз за всю свою жизнь.

Первый раз платье было надёвано по случаю праздника Светлой Пасхи, второй раз – на крестины, и третий раз – в этот солнечный сентябрьский день.

Лёлька попарилась в бане, по привычке помыла волосы яичным желтком и уложила в красивую причёску: разделила волос на прямой пробор, заплела две косы и уложила на затылке «корзиночкой», закрепив шпильками.

Лёлька приехала в райцентр по делу – «сорвать аплодисменты и получить награду» – так сказал председатель колхоза Пантелеев, а он слов на ветер не бросает.

Туфли у Лёльки – одни-единственные, только для особого случая, на низком каблучке, с модной пряжкой, на которой поблёскивает медная пуговка.

За правым ухом у Лёльки – слуховой аппарат, хитро спрятанный в волосах.

Лёлька немного робеет, но виду не подаёт.

Она приехала в райцентр ранним утром – сама Красулю запрягала, сама и погоняла.

Фуфайку, да сапоги, да затёртые до дыр гамаши оставила у сестры Веры.

И хотя одета Лёлька была не совсем по погоде – в платье было прохладно, – но Лёльку это не смущало, ей было жарко.

А вот и здание Сельхозуправления...

Здесь, в актовом зале, примерно через десять минут и состоится награждение передовиков колхоза – доярок, комбайнёров, трактористов.

– Для получения заслуженной награды на сцену приглашается... Ольга Васильевна Прохорова!

Лёлька идёт по ковровой дорожке к трибуне, чеканя каждый шаг.

А чего ей стыдиться или бояться? На колхозной ферме работает, сколько себя помнит...

И Лёлька высоко поднимает голову!

Лысый дядька в очках крепко жмёт Лёлькину руку и вручает ей хрустальную вазу, грамоту, а ещё – крупную красную розу.

Щёки Лёльки мгновенно становятся такими же пурпурными, как цветок.

– Поздравляю вас!.. Давайте познакомимся. Меня Митрием зовут.

Только сейчас Лёлька замечает мужчину, сидящего рядом и протягивающего ей, Лёльке, широкую, как лопата, ладонь.

– Дмитрий, механизатор колхоза «Красный Партизан».

Лёлька отшатнулась от незнакомца так, словно её ударили по щеке.

– Слава людям труда!.. Ура, товарищи!

Последние слова оратора тонут в грохоте аплодисментов...

Стуча каблучками, Лёлька почти бегом пересекает центральную площадь райцентра. Она торопится к своей Красуле – ей нужно затемно вернуться домой, в родную деревню.

– Ольга, подождите!

Лёльку догоняет запыхавшийся Дмитрий.

– Чево вам?

– Вы с какой деревни, Оля?

– Вам-то какой интерес?.. Михайловские мы.

– А мы – Лександровские будем.

Мужчина улыбается, откровенно разглядывая Лёльку и вводя её в ещё большее смущение.

– Беги, дура! – говорит себе Лёлька, но туфли её будто вязнут в новеньком асфальте по самый рант.

– Не хотите со мной в столовую? С утра ничего не ел... Там вкусно готовят, ей-богу – не вру.

На кой ты ему сдалась? – задаётся вопросом Лёлька. Старая да глухая.

– А пирожки с ливером вы любите? – не отстаёт Дмитрий.

На глаза Лёльки неожиданно наворачиваются слёзы.

– Некогда мне, Дмитрий. Тороплюсь я, – лепечет Лёлька.

– Ась? Говорите громче – я плохо слышу, – говорит мужчина и прижимает руку к груди, словно извиняясь.

И тут Лёлька вдруг забывает, что буквально пару минут назад пыталась куда-то бежать.

Взглянув внимательнее, она замечает за ухом мужчины такую же коробочку слухового аппарата, как и у неё.

Лёлька дотрагивается рукой до своей заветной коробочки и громко заливисто смеётся.

Дмитрий оторопело смотрит на Лёльку и тут же становится серьёзным, обиженно поджимая нижнюю губу.

Лёлька понимает, что сейчас произойдёт непоправимое – Дима уйдёт из её жизни так же, как когда-то ушёл отец.

Лёлька хватается Дмитрия за руку:

– И у меня! Гляди-ка, и у меня – такая же!

Лёлька быстрым и выверенным движением выуживает из причёски шпильки – все до единой.

Две небольшие косы падают на плечи, выдавая Лёлькин секрет.

Дмитрий берёт женщину под локоть и уверенным шагом ведёт в столовую...

Лёлька вернулась домой далеко за полночь.

Мать дремала за накрытым столом, по-видимому, давно. Яйца вкрутую, пол-литра медовухи, чашка свежих помидор...

– Чево не спишь? – спросила Лёлька осипшим вдруг голосом.

– Гляжу, загуляла ты, девка, – Татиана долгим взглядом смотрит на дочь.

Лёлька, не говоря ни слова, опустилась на табурет.

– Значит, вечерять будем, – мать плеснула по рюмкам медовухи.

Лёлька залпом осушила рюмку браги, посидела тихо, прислушиваясь к теплу, разлившемуся где-то около сердца.

– Как звать-то?

– Дмитрием.

Мать глянула строго, из-под бровей, потом вдруг крепко обняла Лёльку, притянула к себе, поцеловала в холодный лоб.

Потому как не привычна была Татиана к ласкам да телячьим нежностям.

Потому как не было у неё времени на эти самые нежности, и выгорели они у неё давным-давно, как и не бывало...

А то, что бывало – давно быльём поросло...

Лёлька забралась на остывшую к утру печь, укрылась овечьим полушубком и провалилась в сон.

И снилась Лёльке родная урема, земляничные поляны и бескрайние поля пшеницы.

А по этим полям, громяхая колёсами комбайна, навстречу Лёльке ехал Дмитрий.

– Здравствуй, Олюшка-аа! – кричал Дмитрий.

– Здравствуй, полюшко-ооо, – слышалось Лёльке.

– Здравствуй, мил человек...

И слышали они друг друга так же хорошо, словно находились совсем близко, рядышком.

Ни шум комбайна, ни свист ветра, ни шелест пшеницы – ничто не могло заглушить поселившейся в душе радости.

Ибо имеющий уши – да услышит.

ЕЛЕНА СЕВРЮГИНА, Россия, Московская обл., г. Мытищи

(Лауреат в номинации «Имя»)

Родилась в Туле в 1977 году. Живёт и работает в Москве. Кандидат филологических наук, доцент. Автор публикаций в областной и российской периодике, в том числе в журналах «Номо Legens», «Дети Ра», «Москва», «Молодая гвардия», «Южное Сияние», «Тропы», «Идель», «Графит», электронном журнале «Formasloff», на интернет-порталах «Сетевая Словесность» и «Textura», в интернет-альманахах «45 параллель», «Твоя глава», газете «Поэтоград». Автор четырёх книг стихов: «Ожидание чуда» (1995), «Избранное» (2005), «Сказки для взрослых» (2014) и «По страницам моих фантазий» (2017). Выпускающий редактор интернет-альманаха «45 параллель».

«ЗВЕЗДА ПУТЕВОДНАЯ РИММА»

(размышления над книгой Таисии Вечериной и Лолы Звонарёвой. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...»)

Когда в твои руки попадает биография известной, выдающейся личности, пусть и недавно ушедшей из жизни, невольно возникает ощущение, что ты прикасаешься к истории – к тому, что уже свершилось и стало неотъемлемой частью культуры и общества. Говоря иными словами, ты чувствуешь себя литературным археологом, изучающим прошлое.

Но книга Таисии Вечериной и Лолы Звонарёвой, посвящённая жизни и творчеству удивительной женщины и поэта Риммы Казаковой, вызвала у меня совершенно иные чувства. Возможно, потому, что с Риммой Фёдоровной меня связывали десять лет знакомства и дружбы, я не смогла воспринять рассказ о ней как только лишь достояние истории. Нет – здесь всё живое, настоящее, без ненужного хрестоматийного глянца и ложного пафоса, позволяющее ощутить живой пульсирующий нерв никогда не умирающей души поэта.

Нисколько не преувеличу, если скажу, что чтение стало для меня настоящим испытанием и вызвало неоднозначные чувства. С одной стороны, оторваться от книги невозможно – биография написана потрясающим художественным, «живым» языком и больше напоминает увлекательный роман о жизни знаменитой поэтессы. С другой... хоть и тяжело в этом признаваться, мне стоило колоссальных усилий справиться с собой – с той страшной ностальгией, которая стала мучить уже с первых страниц книги.

Низкий поклон авторам биографии за то, что сумели создать истинное волшебство – вернуть читателю и лично мне настоящую, живую Римму – такую знакомую и близкую, и в то же время недостижимую, блистательную, великую во всех смыслах этого слова. Не было никакого ощущения авторского посредничества между читателем и героиней – а это и есть высший уровень

художественного мастерства. Я будто просто продолжила разговор с хорошо знакомым мне человеком – казалось, что мы сидим друг напротив друга, и Римма Фёдоровна своим негромким завораживающим голосом рассказывает мне о себе – так просто, доверительно, так по-женски откровенно. И тут же начинает захлёстывать волна воспоминаний – ведь многое из того, о чём написано в книге, мне доподлинно известно от самой Риммы Фёдоровны.

Помню, как во время межрегионального фестиваля авторской песни в городе Верея поэтесса, пока мы ехали в автобусе, рассказала мне о своей личной человеческой трагедии – о сыне Егоре, талантливом прозаике, попавшем в беду. Стоицизм этой удивительной женщины проявлялся в том, с каким достоинством и видимым спокойствием она рассказывала об этом... и всё же голос иногда срывался, и в глазах проскальзывали боль и отчаяние. Знакома мне была и непростая история любви Риммы Фёдоровны и кумира советской журналистики Георгия Радова; и про своё недолгое увлечение врачом-стоматологом поэтесса, сидя напротив меня на уютной кухне в своей квартире на улице Чаянова, тоже рассказывала с воодушевлением и некоторой горечью. Особенно запала в душу её фраза о том, как вышеупомянутый стоматолог рассуждал со знанием дела, что потребность в лечении зубов есть у всех, а вот кому нужны стихи – это ещё большой вопрос... Ну что тут скажешь?

Всё, о чём авторы написали в этой книге – правда от первого до последнего слова – правда истинная, ничем не приукрашенная, и именно этим особенно ценная. И думаю, каждому читателю будет ощутимо, с какой искренней любовью и теплотой написана эта биография...

Авторы, упомянутые в книге, знакомы мне не понаслышке – это и Елена Погорелая, с которой мы вместе когда-то получали из рук Риммы Фёдоровны литературную премию «Эврика», и Наташа Полякова, ныне заместитель главного редактора в журнале *Literratura*, а также многие другие поэты и деятели культуры.

Книга стала для меня экскурсом в прошлое – я окунулась в дорогие, а иногда и горькие воспоминания не только о Римме, но и своей юности. Вспомнилось так много всего – и стало очевидно, что период знакомства и общения с Риммой Фёдоровной был, безусловно, лучшим периодом моей жизни, что её жизненная история – это часть и моей истории тоже.

Но было бы конечно несправедливым утверждать, что всё в этой книге было для меня уже знакомым. Безусловно, были и неожиданные, и очень приятные открытия. Например, я не знала, что поэтесса более семи лет работала на Дальнем Востоке и прошла пешком всё Охотское побережье, и первую свою книгу «Встретимся на Востоке» выпустила именно в Хабаровском книжном издательстве. Несмотря на то, что я знала об активной общественной позиции Риммы Фёдоровны, всё же до конца не представляла, насколько важную и, возможно, незаменимую роль она играла в культурной жизни страны и мира. Это был поистине человек мирового масштаба, всех заслуг которого и не перечислишь: она была секретарём по пропаганде литературы, неизменно возглавляла писательские делегации в поездках по разным странам, побывала

более чем в восьмидесяти странах мира, в течение всей своей жизни поддерживала талантливых детей и молодёжь, вела поэтические семинары в Переделкино, была членом жюри многих поэтических конкурсов.

Можно перечислять до бесконечности и до бесконечности удивляться, откуда эта женщина брала столько жизненной энергии и любви к людям и творчеству.

Стоит ли говорить о том, какая радость охватила меня, когда я обнаружила в книге несколько строчек и о себе: и не потому, что вот, мол, я такая чудесная и талантливая, а потому что это та ниточка и та связь между мной и Риммой Фёдоровной, которая отныне не прервётся никогда.

Большим разочарованием было узнать, что поэтессе-подвижнице, о которой можно было бы уже писать не только биографию, но и агиографию, поэтессе, не жалеющей себя ни для людей, ни для своей страны, власти так и не сочли возможным дать Государственную премию – достойную её награду...

А вот что я считаю самой большой заслугой биографов – это умение выделить в характере и личности Риммы Фёдоровны самые важные и самые определяющие её черты-ипостаси: это женщина – воин на поэтическом фронте («поэзия – мужичье дело, воловий труд, солёный пот: зачем же Орлеанской девой в поэты девочка идёт?»), женщина – мать («родился сын-пылиночка, лобастенький, горластенький, горит его пелёночка – видна во всех галактиках»), женщина – жена, любовница, жертва любви («и если женщина приходит, себе единственно верна, она приходит – как проходит чума, блокада и война»).

Ну и, конечно, главная ипостась Риммы – это женщина – гражданин своей страны, верная ей до конца, вопреки всему и всем («страна, как истина, одна, – она не станет посторонней, и благостней, и проторённой, тебе дорога не нужна»).

Как бы ни банально это звучало, но именно эта гражданская позиция Риммы Фёдоровны как никогда нужна сейчас нашему обществу – современному поколению поэтов, да и просто молодёжи, чьи нравственные ориентиры давно утрачены. Казаковой надо «лечить» и «лечиться», Казаковой нужно возрождать тот уровень культуры, духовности, совести, дружбы и любви, который в нашем мире уже давно стал мифом, и в него никто не верит.

Я верю – и вместе со мной искренне верят авторы биографии, за что я им бесконечно благодарна. Казалось бы, и просвета нет, и надежды уже никакой не осталось, а вот читаешь о Казаковой, и особенно под конец чтения понимаешь, что историзм книги заведомо мнимый, и тебя буквально «засасывает», как в воронку, подлинная, ещё совсем недавно пережитая тобой реальность – ты снова там, в Малом зале ЦДЛ, на вечере одного стихотворения, сидишь на первом ряду и неотрывно, зачарованно смотришь на прекрасное лицо с умными пытливыми глазами... Ты слышишь этот голос, вспоминаешь атмосферу незабываемых встреч у Риммы Фёдоровны в гостях – иногда в присутствии её сына Егора Радова, иногда в присутствии кого-то ещё из её ближайшего окружения...

И нет никакой истории, и прошлого нет, и смерти нет ... Есть только Она – неповторимая, великая, возвышающаяся над всеми, всепоглощающая и бесконечная... Поэзия.

Поэзия, Мир и Римма.

Пусть эту книгу читают все – от мала до велика, в школах и библиотеках, в университетах и даже дома на диване. И, возможно, это станет лекарством и опорой для тех, кто разуверился, или же лишним доказательством того, что верить надо, любить надо, дружить надо, дарить себя надо – и воздастся сторицей.

*ты рядом, ты здесь и сейчас.
быть мёртвым – удел неизвестных,
а ты для того родилась,
чтоб сделаться строчкой и песней.
пусть в сердце, как камень, лежит
лишь боль и тоска ледяная,
но всё, что вокруг, – миражи,
одну лишь тебя я узнаю.
как луч уходящего дня
уходит, чтоб снова вернуться –
так ты не обманешь меня,
поможешь душе встрепенуться.
куда бы пути ни вели –
влечёт меня неумолимо,
всё так же сияя вдали,
звезда путеводная – Римма**

**Посвящение Римме Казаковой. Стихотворение Елены Севрюгиной*

АЛЕКСАНДР АТВИНОВСКИЙ, Россия, г. Оренбург

(Лауреат в номинации «Абсолют»)

Александр Николаевич Атвиновский родился в 1961 году в посёлке Токур Амурской области. Окончил Свердловский архитектурный институт (1986). Член Союза архитекторов России. Президентский стипендиат в области архитектуры и градостроительства. Шорт-лист Открытого литературного конкурса короткого рассказа «Твой город. Твоя история» (2018), победитель конкурса «Десять лучших стихотворений месяца» (Уфа, газета «Истоки», март 2019), шорт-лист литературного конкурса короткого детского произведения (Москва, издательство «Настя и Никита», 2019). Автор книг прозы «Замковый камень» (2016), «Фуа-гра» (2017), сборника стихов «Рисунки на стекле» (2018), книги для детей «Медвежонок Жорка» (2019).

МАНДАРИНЫ

«Ну и погодка сегодня! Прямо-таки буран, а прогноз – без осадков!» – Николай Иванович в очередной раз смахнул рукой снежные крупинки, налипшие на лицо, подобно папье-маше, поднял воротник пальто, затем повыше шарф, спрятал в нём подбородок. Он шёл встречать после уроков внучку – второклашку Машеньку. От дачи, где Николай Иванович жил уединённо после развода с женой, до школы полтора часа пешком, и в последнее время он не раз проделывал этот путь, когда не было денег даже на проезд в автобусе. Он шёл быстро, слегка ссутулившись, поочерёдно для согрева взмахивая руками, как лыжник. И морозец – должно быть, от обиды, что не получается проникнуть к его телу, покусывал ему нос и щёки – предусмотрительный Николай Иванович отрезал от поношенной зимней куртки и вшил в демисезонное пальто пояс и манжеты с резинками.

А скоро Новый год. На площади перед Домом Советов открыли ледовый городок: вокруг огромной искусственной ёлки скульптуры Деда Мороза и Снегурочки, арки, горки, крепостные стены, подсвеченные залитыми в лёд разноцветными лампочками, – вечерами всё это искрилось, создавая ощущение нескончаемого праздника. Везде по городу украсили витрины – кто чем, а больше серебристыми снежинками из фольги, маленькими ёлочками с игрушками и мишурой, на деревьях и столбах вдоль улиц, а также на зданиях развесили многоцветные гирлянды. Николай Иванович, проходя мимо и разглядывая это восхитительное убранство через витражи магазинчиков и супермаркетов, вспомнил, как в детстве, проснувшись после новогодней ночи, бежал в гостиную и находил под ёлочкой подарок Деда Мороза, а в нём конфеты, яблоко, шоколадка и обязательно мандарины – красно-рыжие ароматные шарики с кисло-сладкими дольками внутри...

Теперь ему пятьдесят девять, через год он мог уйти на заслуженный отдых, да только наделавшая шуму пенсионная реформа 2018 года перечеркнула не только мизер оставшегося доверия народа к правительству, но

и надежды Николая Ивановича пусть на небольшой, но какой-никакой стабильный доход в ближайшее время, добавила ещё три года мучительных ожиданий. А ещё совсем недавно он ни в чём не нуждался и, можно сказать, не знал счёта деньгам. Николай Иванович работал много лет ведущим конструктором в НИИ при оборонном заводе, имел правительственные награды, высокую зарплату и уважение товарищей. Чуть больше года назад он с недоумением слушал, как начальник конструкторского бюро (КБ) в своём кабинете читал ему стихотворение Фёдора Тютчева:

*Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять
И мы должны, как старожилы,
Пришельцам новым место дать...*

– К чему ты это, Яков Захарыч, продекламировал? – передёрнув плечами, чувствуя ползущих по спине мурашек, поинтересовался Николай Иванович.

– Эх, Коля, к тому, друг мой, что руководство решило тебя на отдых, так сказать, проводить, – сказал Захарыч, помрачнев и отводя глаза, и это как обухом по голове ударило, не сразу нашлось, чем ответить.

– Не сынок ли директорский тот «пришелец новый»? Я щас в самой поре, мыслей свежих полно и задор, как у молодого! – голос задрожал у ведущего конструктора.

– Ну, старческого задора, как дальше поэт сказал, в тебе ещё много, кто же спорит, но пойми...

– Да мне всего два года по закону до пенсии, зачем вы не по-людски так?! – почти крикнул Николай Иванович.

– Коля, ты не понимаешь, что всё уже решено, уходи с почестями и без скандала! Вот ты главного мне не даёшь сказать: тебя же не как собаку вышвыривают, а «золотой парашют» приготовили! – начальник бюро крупно написал на листке бумаги какие-то цифры, подвинул к нему.

– Глянь-ка...

– Засунь, Яша, себе этот парашют знаешь куда?

– Да не торопись, не груби, на цифры внимательно посмотри, сумма-то немалая! И давай в секретную часть топай, там Васька-фээсбэшник тебя ждёт, потом езжай домой, надень костюм поприличней и к концу рабочего дня подтягивайся на завод, торжественно тебя провожать будем в конференц-зале...

«Золотой парашют», и вправду немалую сумму, Николай Иванович, подобно бухгалтеру, разделил на количество месяцев, оставшихся до пенсии, учёл коммунальные и другие платежи, неожиданно в результате помесечно получилось полтора его оклада в КБ, что малость утешило безработного конструктора. Но его тридцатилетний сын Ваня, подающий надежды экономист, проживающий на съёмной квартире с женой и дочкой, тоже оцифровал папин «золотой парашют». По сделанным расчётам денег хватало на двухкомнатную квартиру улучшенной планировки в новом доме. Николай

Иванович, любя сына, внуку и немного невестку, уверенный, что найдёт хорошую работу, отдал для обретения молодой семьёй своего гнёздышка всё до копейки. Да только с трудоустройством у одного из лучших инженеров оборонки как-то не вышло, его ум, талант, изобретательность оказались не востребованы рыночной экономикой. Не отчаиваясь, он продолжал поиски работы, всё больше обрастая долгами. Прошло полгода, Николай Иванович по-прежнему безработный, идти на биржу труда ему было стыдно, да и сомневался он в положительном результате, попытки устроиться сторожем или дворником тоже не имели успеха. Деньги в долг уже не давали, даже не отвечали на его телефонные звонки, приятельские и дружеские отношения сошли на нет. Яков Захарович, обещавший его привлечь на платные консультации, – не привлекал, «грязные доллары», которые, со слов фээсбэшника Васьки, конструктору могли предложить за военные секреты заокеанские разведчики, – не предлагали. А с другой стороны, у российской оборонки столько ноу-хау, что у шпионов глаза разбегаются, как в супермаркете, всё купить хочется, а нельзя, иначе бюджет своей страны разорить могут. Но если бы вдруг случилось Николаю Ивановичу такое предложение, он, конечно бы, Ваську информировал, не зря же давал подписку о неразглашении гостайны и сообщать об иностранном интересе к нему. Близких – старенькую мать и сына – Николай Иванович в эти проблемы не посвящал, не хотел травмировать внезапным своим нищетолюбием. Но, бывая у них в гостях, от обеда у матери и ужина у сына он не отказывался, не обращая внимания на замечание невестки, что громко чавкает. Хорошо, что отец, который всегда гордился сыном, не видит его бедственного положения, умер три года назад. Надеяться на помощь Господа Бога, единственное, что ему оставалось, он не мог, будучи закоренелым атеистом. И вот, сидя вечером на скамейке в дачном саду, наблюдая за звёздами, Николай Иванович размышлял о совершенстве природы. Как сложно и, тем не менее, гармонично устроен Мир, эволюция эволюцией, но без участия Высшего Разума вряд ли обошлось, и, если с завтрашнего дня в его жизни наступят перемены к лучшему, он в какой-то степени поверит в Бога, редко подтверждающего своё существование...

– Здравствуйте! Мне Вас рекомендовали, как талантливого инженера – Леонардо да Винчи наших дней, хочу Вам предложить интересную, хорошо оплачиваемую работу, звоню договориться о встрече, если Вы не против!

Несмотря на вежливость, голос в трубке показался Николаю Ивановичу несколько нахальным.

– С кем имею честь? – поинтересовался он с раздражением.

– Вован... э... извините, Владимир Петрович Князев Вас беспокоит, бизнэс... э... мэн! – представился нахальный голос.

...«Леонардо да Винчи» пил фирменный кофе «У Князя на пиру» в ресторане Вована Петровича, сидящего напротив, внимательно его слушал и рассматривал. Дорого, но безвкусно одетый, тучный, глаза навывкате, машинально добавляющий в речь жаргонные словечки, типичный «новый русский» восторженно излагал суть своего фантастического замысла.

– За тебя, Иваныч, слышал много хорошего, ну и скажу по чесноку, в натуре, ты мне глянулся, костюмчик одел на встречу, гаврилу (галстук – прим. авт.) прицепил... ничо, что на «ты»? Мне проще так с тобой общаться. В общем, решил «умный» дом себе сварганить, слышал про «Наутилус» капитана Немо?

– Ещё бы, зачитывался в детстве Жюль Верном, дух захватывало! Владимир, расскажи, что за «умности» надо придумать? – улыбаясь, уточнил Иваныч, показывая тем самым, мол, любая инженерная работа ему по плечу.

– Хорошо, задача такая: первый этаж я уже построил, и вот на нём надо сделать второй: кабинет и две спальни, чтоб чуток, незаметно почти, весь этаж вращался по кругу, и через пару часиков вид из окон менялся. Дом на холме в красивенном месте строю, хочу хотя бы за пару дней до Нового года заселиться...

Началась последняя неделя декабря, «Наутилус» для «Капитана Немо» (Николай Иванович только так называл Вована за глаза) достроили, подключили к инженерным сетям, завезли мебель, выставили охрану. С завершением строительства чудо-дома Николай Иванович связывал большие надежды на улучшение своей предпенсионной жизни: очень надеялся на рекламу своего детища «новорусским» Немо, с нетерпением ждал подобных заказов от его друзей. Но буквально вчера Вован, вдоволь накатавшись, как ребёнок на детской карусели, на вращающемся втором этаже своего особняка, не сдерживая эмоций восхищения, «порадовал» конструктора «умного» дома:

– Иваныч, ты офигенный талантище! Представляю, какое крутое оружие ты придумывал на заводе, и понимаю наших паханов, когда на международном сходняке они пальцы веером делают, ежу понятно, если что, мы так врежем!.. Чуйка мне говорит, что ты и дальше хотел бы пастись на блатной траве, но огорчу, корешам тебя рекламировать не буду, а то вдруг им чо-то лучше придумаешь, и про мой «Наутилус» помалкивай, метлу (язык – прим. авт.) придерживай. Слышал историю про зодчих Ивана Грозного, какие храм Василия Блаженного сотворили? Когда он их спросил, сможете, мол, красивше чо-нибудь забацать, а они ему: «Токо прикажи, государь!» Он и приказал глаза им выколоть! – «Капитан Немо» дико заржал, охрана поддержала, смеялись до слёз.

...До школы, где училась Машенька, оставалось минут пять быстрым шагом, а до звонка с урока полчаса, и Николай Иванович решил зайти в супермаркет «Щедрость» погреться и купить что-нибудь сладенькое внучке, выгреб мелочь из кармана, насчитал десять рублей – всё его богатство на сегодня. Сумма оказалась ничтожной – что бы он ни выбрал в магазине, денег катастрофически не хватало. В отчаянии дедушка Маши спросил у продавца:

– Что у вас можно купить на десять рублей?

– Соль, спички, два пакета, – девушка мило улыбнулась.

– Неслыханная щедрость! – возмутился он, потом, взяв себя в руки, пошёл к выходу из магазина.

Через пару минут Николай Иванович вернулся в супермаркет: ну не мог он огорчить внучку, встретить её с пустыми руками, она всегда так радуется

конфеткам, булочке с повидлом или яблочку. Но главное это не гостинцы и подарки, важнее то, что они друзья. Машенька может доверить дедушке любую тайну, даже страшную, спросить его о чём угодно и обязательно получить понятный ответ. Представляя грустные глаза внучки, он решительно подошёл к марокканским мандаринам, лежащим в невысоких ящичках, встал спиной к потолочным видеокамерам, расстегнул верхнюю пуговицу пальто и быстро опустил в рукав, друг за другом, три мандарина, почувствовал, как они скатились от плеча к манжетке с резинкой. Дорогой читатель, вы зря плохо подумали о Машином дедушке, это была не кража! Николай Иванович взял эти заморские фрукты в долг, он решил, что как только Вован с ним рассчитается, сразу же купит пять мандаринов, да-да, пять, а не три, и вернёт их на место. Только вот этот нувориш «Капитан Немо» всё тянет с оплатой, хотя уже и заселился в свой «Наутилус». Понимая, что дело сделано, Николай Иванович пошёл на выход из супермаркета, но внезапно дорогу ему преградил охранник магазина.

– Мужчина, отойдёмте в сторонку, не будем мешать покупателям! – почему-то злобно прошипел «витязь» (так было написано на его чёрном камуфляже) и, взяв под руку Машиного дедушку, потащил за собой.

– А в чём, собственно, дело? – поинтересовался задержанный и хотел было отдёргнуть руку, да побоявшись, что выпадут мандарины из-под манжетной резинки, успокоился и покорно последовал за охранником.

– Содержимое карманов на стол и пальто расстегните! – скомандовал «витязь», подведя Николая Ивановича к своему рабочему месту с большим монитором, экран которого был поделён изображениями с видеокамер на квадратики.

В карманах у задержанного ничего интересного: перчатки, мобильный телефон да десять рублей мелочью; а вот под пальто охранник обнаружил забавную штуковину.

– Не жалко было куртку портить? Знаешь, скоко шоколадок можно спрятать в такой поясok с резиночкой? – «витязь» в чёрном перешёл на «ты». – Не тушуйся ты так! Вижу, не вор ты, а из этих... вспомню щас... интеллигент, так кажись, – посмотрев на небритое лицо Николая Ивановича, добавил, – бывший... Ладно, дорогой товарищ, шутканул я, забирай своё добро и ступай с Богом! – охранник по-дружески хлопнул его по плечу...

На школьном дворе многолюдно: папы, мамы, бабушки и дедушки учеников младших классов томятся ожиданием конца уроков, когда детвора с радостными криками горохом рассыплется из открытых охранником дверей. Огромное крыльцо и площадка перед ним, укрытые длинным навесом, не вмещают всех встречающих, поэтому остальные стоят, переминаясь с ноги на ногу, под открытым небом, обильно осыпаемые снегом, который периодически смахивают с себя.

Раньше никто нас из школы не встречал, время было спокойное, а переход на рыночные отношения породил культ денег, невероятно выросла преступность, и пустили корни все пороки буржуйского общества. Вот и он

теперь вор, правильное – мелкий, гнусный воришка, и нет его поступку оправдания! – коря себя за кражу, Николай Иванович достал из рукава мандарины, переложил их в карман пальто и вновь погрузился в свои невесёлые раздумья.

– Деда, ты с дуба рухнул? Зачем грустный такой?! – Маша с разбега обняла Николая Ивановича, чуть не сбив его с ног. – Я две пятёрки сегодня получила: по математике и по английскому! Подержи-ка, я щас! – внучка передала ему портфель и прыгнула спиной в сугроб, только что собранный дворником при очистке школьной дорожки.

– Деда, помоги, я не могу выбраться! – глубоко провалившись в снег, она протянула руки Николаю Ивановичу.

– Вот что ты творишь? – выдернув Машу из сугроба, спросил он. – Снег в сапожки не набрала?

– Не-а! – лицо внучки светилось от радости.

– Ну, хватит баловаться! Нам надо торопиться, вот-вот мама твоя с работы домой прибежит на полчаса – тебя покормить, а нам пешком идти. Конечно, я и сам мог обед тебе разогреть, но не доверяет она мне.

– У-ра! Мне нравится пешком! А ты мне чё-нибудь вкусенькое купил? – Маша, закинув голову, заулыбалась и, прищурившись, посмотрела снизу вверх дедушке в глаза.

– Три мандаринчика тебе принёс, смотри, какие красивые!

– Деда, очисти один, а то у меня руки замёрзли. А мандарины без косточек?

– Без косточек, без косточек, сейчас, подожди минутку... вот держи! – он выбросил в снег кожуру и на ладони протянул внучке распавшийся на розовые дольки мандарин.

– Спасибо, дедуль, очень вкусно! Пойдём быстрее, по дороге второй очистишь, а третьим я маму угощу! Я знаешь, о чём тебя спросить хочу?.. У Бога есть родители?

– У Бога нет родителей! – он с удивлением посмотрел на внучку. – А с чего это вдруг тебя заинтересовало?

– У нас был урок православия. А дедушка с бабушкой есть у Бога?

– Нет ни дедушки, ни бабушки.

– Выходит, Он сирота?

– Выходит, что так! Но ты, Машенька, не грусти, почти все люди с возрастом, превращаясь в бабушек и дедушек, всё больше думают о Боге, скучать ему не дают: кто молится, кто раскаивается за содеянное, кто о помощи просит, а кто и за безверие своё извиняется! – Николай Иванович свободной рукой приобнял внучку, в другой он нёс портфель.

– Тогда Ему хорошо, столько бабушек и дедушек! Прошлый раз, когда ты меня провожал из школы домой, мы про любовь говорили, ты сказал, что вы с бабушкой давно её потеряли! А вы можете её опять найти? – Маша остановилась и пристально посмотрела на деда.

– Нет... Мы потеряли любовь навсегда! – дрогнувшим голосом ответил Николай Иванович.

– Деда, знаешь, чего я больше всего на свете боюсь?

– Смерти?

– Нет, не смерти, ну... её я тоже боюсь, но больше всего, что папа с мамой любовь потеряют! У меня есть подруги, которые только с мамами живут, знаешь, как им тяжело? Они живут бедно. В одних туфлях и летом, и зимой в школу ходят и в пальто прошлогодних, одна девочка даже в голодный обморок упала на физре, папы с ними не общаются, эльменты не платят, к другим тётям переселились и деток новых с ними родили...

– Обстукивай ножки, моя хорошая, пришли мы! У тебя ключи в портфеле?..

– Николай Иванович, Вы с Машей на черепахе ехали? У меня на всё про всё десять минут осталось! Машка, быстро мой руки и бегом за стол! – с грозным лицом раздражённо скомандовала невестка.

– Деда, ты тоже снимай пальто, мой руки, вместе будем обедать!

– Не приставай к деду, видишь, он торопится, у него много дел!

– Да, я собственно, не торо... – мама Маши, не дав Николаю Ивановичу договорить, сунула ему пакет с мусором:

– Вот, выбросите во дворе в контейнер, я не успеваю, даю вам пятьдесят рублей, купите себе булочку и сок в кулинарии. Спасибо и до свидания!

– Деда, я попрошу папу, чтобы ты меня и завтра встретил! – крикнула из-за стола Машенька вслед уходящему Николаю Ивановичу...

Вы, дорогой читатель, правильно догадались, что, разбогатев на пятьдесят рублей, грешник направился искупать свою вину в обворованный им супермаркет «Щедрость». Снег, похожий на гусиный пух из рваной подушки, обильно засыпал всё вокруг, добавляя белил в городской пейзаж, поскрипывал под ногами Николая Ивановича, который, идя быстрым шагом, уже приближался к месту недавнего своего преступления и морального падения. В магазине он взвесил четыре мандарина, рассчитался на кассе, вернулся в торговый зал и высыпал из пакетика эти заморские фрукты обратно в ящик.

– Старый знакомый! К мандаринам тебя потянуло? – охранник положил руку на плечо Николая Ивановича, который от неожиданности вздрогнул и обернулся.

– Хотел взять с полкило, да передумал, цена! – и он улыбнулся богатырю в чёрном камуфляже.

– Ты прав, цена кусучая! – согласился охранник, ответно улыбаясь, – Поэтому за день пять-шесть кило воруют этих рыжих красавцев, за каждым покупателем не уследишь. Они, блин, считают, мол, Князь не обеднеет, и полностью правы, недостачу весь коллектив магазина покрывает, сам понимаешь, и я в их числе. А когда в городе твари буржуйские зарплату задерживают на пару месяцев, люди почти грабят супермаркеты, я бы сказал, с куражом даже, а с охраны штраф за недосмотр... копейки домой приношу.

– Печально, что так! – краснея лицом, посочувствовал Николай Иванович.
– Не понял только про князя, он кто такой?

– Ты из леса будто вышел, двадцать лет там блукал и о жизни нашей грешной ни хрена не слышал!

– Буль-буль! – вмешался в разговор мобильный телефон из нагрудного кармана «витязя».

Так оно и есть, прав охранник: о жизни города и страны он знал только важное, значимое, полностью был поглощён работой, ежедневно до позднего вечера проектировал в КБ, приходил домой усталый, ужинал и ложился спать, жене и сыну доставались крохи внимания, большей частью, по выходным, и то не всегда. Вот жена и подала на развод, судье сказала, что муж, в принципе, хороший человек, но все его достоинства с частицей «не»: не пьёт, не бьёт, не курит, не гуляет и дома не бывает... а ей нужен нормальный муж, мужик, а сыну нормальный отец, и на эту роль у неё уже есть кандидатура. Развод оформили, имущество поделили: жене и сыну квартиру, ему дачу...

– О чём задумался, товарищ? – чтобы продолжить разговор, окликнул Николая Ивановича охранник, убирая после прочтения СМС телефон обратно в нагрудный карман. – Про Князя ты спрашивал, понятное дело, это кликуха известного в девяностые бандюгана, а щас все к нему с уважухой, рыло отъел, бизнесмен хренов, в депутаты Гордумы выбрался. Теперь он не какой-то Вован, а Князев Владимир Петрович – владелец всех этих супермагов «Щедрость» да кабаков «У Князя на пере!» – он заулыбался, умышленно исказив название сети ресторанов и кафе.

– Князев Владимир Петрович – владелец этого супермаркета? – со всей отчётливостью в сознании Николая Ивановича всплыл образ Вована – «Капитана Немо». – Ну и дела!

– Ба-а! Вот те раз! Да ты, смотрю, с ним знаком! А я-то, дурак... слушай, дорогой товарищ, вот тебе мандарин, скажешь ему при встрече, мол, охранник Борис о нём очень хорошо и уважительно отзывался...

Снег прекратился, тучи ушли за горизонт и бледно-жёлтое солнце, опускаясь за крышу высотного дома, ослепило напоследок Николая Ивановича, вышедшего на улицу из вовановского супермаркета. Щурясь и прикрываясь рукой, он быстро миновал автостоянку и направился в подземный переход, где высыпал остатки мелочи в шапку уличным музыкантам. «Вот, но-вый по-ворот...» – несло ему вслед, радость избавления от чувства вины за кражу в магазине переполняла его душу. Звонок мобильного телефона вывел Николая Ивановича из состояния восторженности; держа в руке вибрирующую трубку и прочитав на её экране «номер неизвестен», он думал несколько секунд, отвечать или нет.

– Алё, алё... Вы меня слышите, Николай Иванович? Вас беспокоит директор Санкт-Петербургского ЦеКаБэ эМТэ «Аквамарин» (ЦКБ МТ – Центральное Конструкторское Бюро Морской Техники – прим. авт.) Захаров Лев Иосифович. Предлагаю возглавить отдел по установке вашего изобретения ВээНКаэР на новейших атомоходах «Наутилус», жду Вас в понедельник к

девяти часам, пропуск выписан, деньги на билет и командировочные уже на вашей карте.

– Приветствую Вас, Лев Иосифович! Помню наше знакомство в Кремле на вручении наград, спасибо за приглашение, ждите, в понедельник буду. До свидания!..

Еле справляясь с волнением, конструктор дрожащими руками открыл мобильное приложение Сбербанка в сотовом телефоне и ещё больше взволновался, увидев на счёте полмиллиона рублей, видимо, КБ перечислило ему не только командировочные, но и аванс за предстоящую работу, он улыбнулся, вспомнив название подводной лодки: «Наутилус» нынче в тренде и приносит ему удачу...

Уютно расположившись в кафе «Теремок», Николай Иванович доедал, запивая компотом, второй блинчик с творогом, свёрнутый трубочкой и обжаренный в сливочном масле; насытившись, утопая в мягком кресле, сложил на животе руки в замок...

«Мать подобные блинчики делает намного вкуснее: корочка золотистая и хрустящая, а творог без комков». Ещё он вспомнил, как бережно она хранит его детские рисунки, поделки. Ваза из папье-маше – его подарок на праздник Восьмое марта – стоит на комоде уже более пятидесяти лет. Вся его жизнь наполнена материнской заботой, поддержкой и любовью, что всегда помогает ему преодолевать разные невзгоды и трудности. Внезапно он услышал протяжный гудок и на огромном витраже кафе, как на экране в кино, увидел большой белый пароход. На капитанском мостике молодой отец в белом парадном кителе и форменной фуражке с золотой кокардой курит трубку и машет рукой матери, тоже молодой, в лёгком ситцевом платье, готовой подняться на корабль, но матросы замешкались с трапом, любуясь её красотой.

– Отец, не торопись, не забирай маму, пусть она побудет ещё со мной!

– Сынок, это неизбежно, я её всё равно заберу, тем более сильно по ней соскучился, а сейчас самый подходящий момент, а то она может помешать тебе переехать в Питер, с тобой мать не поедет, однозначно, и ты её одну не бросишь, я-то знаю, выходит крах твоей возможной карьере и обеспеченной старости...

– Мужчина, извините, посуду можно убирать? – Николай Иванович услышал сквозь сон приятный женский голос.

– Да... да, убирайте, – ответил он, просыпаясь. – Нехороший сон, как бы беды не случилась! – с тревожными мыслями Николай Иванович решительно встал из-за стола, подбежал к гардеробу, поменял металлический жетон на пальто, накинув его на ходу, быстро выскочил на улицу и поймал такси.

– Едем быстрее, на Будённого восемьдесят, жми на всю... можем опоздать, плачу два счётчика!..

Ключ проворачивался в замке калитки, пришлось лезть через забор; зацепившись за гвоздь, Николай Иванович порвал брюки и оцарапал ногу. Входная дверь, к счастью, была не заперта, мать в фартуке вышла из кухни ему навстречу.

– Что случилось, сынок? Ты какой-то весь взбудораженный, а я пельмешки стряпаю, твои любимые, с куриным фаршем.

– Ничего, всё уже хорошо! – плача, он обнял её, и в этот момент задрожал мобильный в кармане пальто... – Мам, Захарыч, всегда не вовремя!

– Ответь ему, а я пока пельмешки в кипяток загружу.

– Коля, привет! Звоню по делу, ты, думаю, в курсе, что меня директором назначили, а тебя решили начальником КБ, я поддержал, жду завтра к девяти ноль-ноль ко мне на планёрку.

– А «золотой парашют»? Я деньги вернуть не смогу, потратил всё до копейки! Слышишь, Захарыч?

– Слышу!.. Молодец! Не переживай, если что, мы новый тебе «золотой парашют» организуем! Шучу! В общем, жду завтра к девяти, не опаздывай! – новоиспечённый директор положил трубку.

– Ну и денёк сегодня! – сказал нарочито громко Николай Иванович, чтобы его услышала мать на кухне. Ему не терпелось поделиться хорошими новостями; сняв пальто, он плюхнулся на диванчик в прихожей.

– Сынок, день-то закончился, ночь на пороге, особенная, рождественская, если по старому стилю! В эту ночь самые невероятные чудеса случаются, Бог многим помогает, в первую очередь тем, кто сердцем и помыслами чист...

СЕРГЕЙ ПУПЫШЕВ, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск

(Лауреат в номинации «Абсолют»)

Сергей Львович Пупышев родился 24 октября 1964 года в г. Пермь. С 2004 года живёт и работает в республике Карелия, г. Петрозаводск. Победитель международного литературного конкурса прозы «Петроглиф» (2014, 2015), лауреат международного конкурса короткого рассказа «Сестра таланта» (2014), победитель литературного конкурса прозы lenta.ru «Своими глазами» (2016), лауреат международного конкурса «Север – страна без границ» (2016), победитель международного литературного конкурса «Сквозь пену дней» (2019). Автор книги стихов и книги прозы. Печатался в журналах «Север», «Homo legens», «Литература» и др.

МЕТЕЛИЦА

В молодости мы с друзьями частенько колесили по нашей стране. Цель одна – страну посмотреть, а где понравится, и отдохнуть. Остановились как-то переночевать недалеко от Таллина, разбили палатку на берегу вялотекущей реки. Река, выгибаясь извилистым телом, резала на две неровных половины каравай огромного некошеного луга. С одной стороны она струилась к тёмной полосе лиственного леса, с другой вытекала из-под большого бетонного моста с убегающими по его плечам светлячками машин.

Сгущался вечер. Уходящие белые ночи блёклым киселём пропитали невнятные июльские сумерки. Чуть ниже по течению, в ста шагах от нашего лагеря, пестрела одинокая палатка.

Костёр собрался скоро. Валежник, затрещав, взялся дружно и основательно. Пока я возился с палаткой, друзья подобрали сухих дровишек, и вскоре бивачный костерок зарделся жародышащими углями. Настроение – шашлыковое, и вот наконец дурманный запах жареного мяса аппетитным облаком накрыл засыпающую округу.

Из соседней палатки вылез человек, осмотрелся и, увидев огонь, направился в нашу сторону. Чем ближе он подходил, тем больше мы поражались его размерам. Огромного роста атлетическая фигура довольно быстро приближалась.

– Tervist, – здороваясь, кивнул головой, протягивая здоровенную ручищу, хмурый гигант, и только тут мы заметили, что левый рукав дорогого спортивного костюма был безжизненно пуст.

– Привет! – моя кисть утонула в его ладони. – Давай к столу, – настороженно, но дружелюбно пригласил я.

За шашлыком разговорились. Выпить гость отказался категорически. Оказалось – бывший спортсмен, легкоатлет, метал молот. В прошлом году выиграл крупный международный турнир, на радостях выпил, много и неумело. Завалился спать. Проспал, не шевелясь, почти шестнадцать часов, придавив могучим телом левую руку. Отекла она, задохнулась, омертвела.

Ампутировали. Вместе с рукой потерял спорт, большинство друзей. Ушла подруга. Остался один. Второй месяц живёт в палатке, жалеет себя, печалится.

– Утроом ко мне, на чай, – просто, по-свойски пригласил и ушёл, чуть сторбившись.

Парни уснули. Мне не спалось. Я думал об огромном эстонце, ещё недавно – успешном спортсмене, а ныне – покинутом и подавленном, запертом своим сознанием в этом тихом местечке.

Нестерпимо захотелось чая. Я подбросил дровишек в полусонный костёр и спустился к реке. Присев на корточки, зачерпнул котелком воды. В полуметре от меня упрямой арматурой выглядывал из воды старый древесный корень. Мрачно-серая личинка подёнки медленно выползла на него из воды, остановилась, будто задумалась на мгновение, затем дрогнул, лопнул старый ужасный покров, появилась головка, спинка и что-то, пока ещё скомканное, за спиной. Прямо на глазах, мелко дрожа, это «что-то» крепло, расправлялось, превращаясь в чудесные белоснежные крылья – рождалась эфемерная прелестная бабочка. Ещё миг – и она, взлетая, в первом полёте сбрасывала надоевшую за долгую подводную жизнь оболочку...

Я, зачарованный, замер. Казалось, вся река превратилась в космическую стартовую площадку. Нимфы поднимались на поверхность воды тысячами, перерождались – и взлетали, образуя снежнокрылую круговерть. Живое облако росло, множилось, поминутно превращаясь в многоликие фантастические фигуры. Всё это белоснежное великолепие то взвивалось вверх, то рассыпалось на части, иногда на секунду замирало, затем снова и снова празднично-танцующий полёт набирал буйную силу настоящей, слепящей глаза зимней метели.

Я не знаю, сколько стоял без движения. Зависло, остановилось время. Вокруг – лишь бесконечно замедленное порхание бабочек и больше ничего... Казалось, вся эта карусельная круговерть унесла меня в край далёкого детства. Вокруг мотыльками порхали мои желания, белоснежным вихрем кружились несбыточные мечты. Хотелось выскользнуть из своего надоевшего кокона, разорвать связанную с землёй пуповину и, переродившись, взмыть, расправить крылья и закружиться в этом изящном безгрешном танце...

Негромкий звук заставил меня вздрогнуть и обернуться. Эстонец стоял у своей палатки. Скомканные непонятные звуки, пробиваясь сквозь шелест крыльев, едва доносились до меня. Он пел! Несомненно, он пел! Этот огромный, раздавленный одиночеством хмурый гигант оказался в самом центре живого шелестящего облака. Сначала голос неуверенно дрожал и еле пробивался в ночи. Но всё менялось, крепчал, набирая полную силу голос. И тут началось! Река вскипела от обилия кормящейся рыбы. Высокими сильными нотами выпрыгивала рыбная мелочь. Тяжело, низко бухала, поедая павших мотыльков, крупная рыба. А он пел всё громче и лучше, помогая себе, дирижировал здоровой рукой. Культия предплечья, стараясь догнать полновесную руку, отчаянно билась в пустоте рукава. И запела, зазвенела ночь. Заискрила, заблестела светлыми пятнами жизнь...

Когда пение смолкло, кружевная метель рассыпалась. Одна часть белым шелестящим шарфом скрылась вдали, другая рухнула в реку, копошась слабеющими крыльями в тяжёлой воде, и уже сытые, ленивые рыбы рты бесстыдно вяло шамкали живое покрывало. Третье белоснежное крыло понеслось в мою сторону. Бабочки врезались в меня, забивались в уши, заставляли руками прикрывать глаза. Тысячами летели на огонь костра и падали, заживо сгорая в пламени. Огонь и свет с магической силой притягивали к себе, и они, не видевшие ничего более прекрасного и светлого за свою долгую подводную жизнь, фанатично следовали зову, стараясь обнять нежными полупрозрачными крыльями торжественную, убийственную красоту. Я не мог стерпеть этого бессмысленного самопожертвования. Выплеснув воду из котелка в костёр, я спустился к реке ещё раз, затем ещё и ещё, пока не погасил огонь, и кострище не за клубилось столбом густого удушливого дыма, отпугнувшего тысячекрылое облако.

Наконец всё это действие спустилось вниз по реке, оставив на берегу, на воде густой ковер из доживающих последние минуты бабочек. Всё стихло... Умерла и ночь...

Я повернулся. Эстонец всё ещё стоял на берегу. Я не заметил, как подошёл к нему.

– Я никогда не пел! – изумлённо воскликнул эстонец. – Что это? – провожая взглядом улетающее живое облако, спросил он, поворачиваясь в мою сторону.

И тут я вспомнил: отец рассказывал мне про это необычное явление – массовый вылет бабочек-однодневок, рождённых на закате и умирающих с первыми лучами солнца.

– Это метелица, так у нас говорят.

– Меттээлица, меттээлица – это я никогда не забуду, – повторял потрясённый эстонец...

* * *

Один большой двадцатилетний глоток жизни – и вот я, уже зрелый мужчина, гуляя по зимнему Стокгольму, натываюсь на афишу. Лицо с афиши показалось знакомым. Я не мог ошибиться. Я, несомненно, встречался с этим человеком. Заметив мой интерес, Роланд, мой шведский партнёр с русскими корнями, произнёс: «Я знаю его. Это известный певец из Эстонии. Уже лет десять каждую зиму приезжает на гастроли. Потрясающий голос».

Мы ещё долго бродили по Стокгольму. Неожиданно завьюжило, замело, и мы спрятались от непогоды под крышей торгового павильона. Народу было немного, но один человек, изучающий рекламу и стоящий ко мне спиной, выделялся огромным ростом.

– Метель, такая же, как дома, – задумчиво и почему-то вслух произнёс я.

– Нээт, не меттээль. Мне один русский сказаал, этта – меттээлица, – медленно поворачиваясь, произнёс улыбающийся гигант.

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВИЧ, Россия, г. Ярославль

Евгений Игоревич Долматович родился в 1986 году в г. Ярославле, большую часть детства провёл на Дальнем Востоке. В 2008 году окончил Ярославскую военную финансово-экономическую академию. Публиковался в журналах «Номо Legens», «Урал», «Север», «Уральский следопыт», «Парус», «Крещатик», «Новый берег». Член Союза российских писателей с 2017 года.

ПРАХ К ПРАХУ

* * *

Миленький мой, родной, знал бы ты, как сильно я по тебе скучаю, как мечтаю вновь оказаться в твоих объятиях, увидеть твою чарующую улыбку, твой нежный взгляд. Лишь теперь, когда ты так далеко, я, глупая, наконец-то поняла, насколько ты мне необходим! Ведь вот уже миновал пятый месяц, а писем от тебя всё нет и нет. И мне очень хочется верить, что связано это с почтовыми задержками – с тем, что происходит теперь в многострадальной России...

Да, как видишь, вести с Родины пусть и нерегулярно, но доходят до нас. И хотя папенька по-прежнему хмурится и препирается, дескать, нет ему дела до всего этого безобразия, но я-то уж знаю, что он лукавит и в душе очень переживает о том, что ныне творится в стране, да и во всём мире. «Мрачное это время, – говорит он, – время безумств и повсеместной трагедии». Увы, в своих прогнозах он более пессимистичен, нежели я, и полагает, что после всего этого, как он называет, мракобесия, мы – то есть русский народ – долго ещё не сумеем оправиться. А мне вот хочется верить в обратное. Очень хочется!

Но что мы всё о грустном да о грустном? Разве дозволено нам грустить, когда всё вокруг вызывает одну только грусть? Нет, ни в коем случае не дозволено! Потому что тогда мы не делаем ничего хорошего, только преумножаем эту скорбь, позволяя ей разрастаться всё больше и больше. Скажи, ну разве я не права?

Знаешь, а мне сегодня приснился довольно причудливый сон. Причудливый он ещё и потому, что с момента нашего бегства за рубеж сны мои в большинстве своём блёклые и рваные. А этот вот оказался не таким, напротив – очень ярким, красочным. Снилось же мне наша усадьба в Приозёрском, яблоневоый сад, где мы частенько с тобой гуляли, и поросший тростником берег реки, куда ты уходил, желая побыть один. Тот самый берег, на который однажды позвал меня, дабы объяснить в своих чувствах, помнишь? И ведь не ведал ты тогда, что я – знакомая с детства соседская девчонка – давно уже была в тебя влюблена, но отчаянно скрывала это за той мальчишеской бойкостью, над которой вы так любили потешаться с рыжим Петькой. И вот в своём сне я вновь бродила по яблоневому саду, отчаянно пытаюсь отыскать тебя, пока каким-то неведомым образом вдруг не поняла, что ты там, на берегу, ждёшь

меня. Тогда я сразу же бросилась туда, но... тебя там не обнаружила. Один только покачивающийся на ветру тростник и тихое журчание речки. Я звала тебя, милый, – звала что есть сил! Но ты так и не пришел... А потом я проснулась и на щеках у меня были слёзы.

Ну вот, сама же просила не грустить, а теперь... Прости меня, мой любимый, но... не могу я больше без тебя. Тоскую я здесь, на чужбине. И нет конца и края моей тоске...

А помнишь, как однажды ты заступился за меня?

Мы были ещё совсем юными, и вредный Петька всячески подстрекал тебя не водиться со мной, потому что я девочка. Он был старше, я же была самой маленькой среди вас. При этом другие девчонки меня не интересовали, зато непреодолимо влекло к вам, к вашим играм и затеям. Такая вот чудная я была: куклам предпочитала рыбалку, а на ворчание нянечек, что, мол, не выйдет из меня толковой барышни, корчила гримасы и показывала язык. Петька же всячески гонял меня, чтобы не смела ходить за вами, и ты до поры до времени его слушал. Пока однажды вдруг не сказал: «Нет, пускай идёт. Она заслужила быть одной из нас». Возможно, я что-то идеализирую, где-то приукрашиваю, но мне помнится всё именно так. Хочется помнить, мой милый! И ведь как я была счастлива, услышав эти твои слова, как обрадовалась, что, казалось, готова обнять весь мир – ведь для меня ты стал настоящим рыцарем, благородным и отважным защитником. А позже я очень переживала, когда вы рассорились с Петькой, и он заявил, что ты ему больше не друг; боялась ещё, что ты на меня осерчаешь. Но ты не осерчал. Ты улыбнулся и сказал, что с Петькой вы ещё помиритесь – никуда он не денется и со временем даже признает, что был не прав. И ведь я тебе не говорила, что усомнилась тогда в твоих словах: не поверила, что своенравный Петька изменит свое решение. А он изменил.

Всё же сколь прекрасно было то время. Куда оно ушло теперь, и... есть ли хоть малейшая вероятность, что всё когда-нибудь образумится, станет так, как и было? Мир успокоится, закончится эта проклятая война, а вы с папенькой уладите разногласия во взглядах на революцию и наконец-то пойдёте на мировую. Как же хочется в это верить, любимый. Хочется, чтобы ты снова был рядом, приходил к нам пить чай и обсуждать с папенькой всевозможные политические вопросы. А ещё лучше – чтобы, как встарь, сидя на веранде и попыхивая трубками, вы беседовали о науке и искусстве. И вокруг вновь было бы лето! Золотистое, пахнущее мёдом и яблоками лето! Хочется услышать шёпот тростника и журчание речки на нашем берегу. Хочется опустить голову тебе на плечо и знать, что нет и никогда не было кайзера и германской войны, что большевики не брали штурмом Зимний дворец и не расстреливали мирных жителей на улицах Петрограда. Хочется верить, что мир не разваливается на части, и что в нём по-прежнему осталось место для нашей с тобой любви.

Мне просто хочется ещё раз сказать тебе, как сильно ты мне нужен. Возвращайся! Возвращайся же!

февраль 1918

* * *

Здравствуй, голубка моя ясноглазая!

Вот, как выдалась свободная минутка, решился черкнуть тебе пару строк. Спешу сообщить, что ранение моё практически уже зажило и волноваться больше не о чём. Доктор у нас толковый, заверяет, что день-другой и буду здоров как бык. А из-за того, что я вновь отправляюсь на фронт, не переживай. Пойми, милая, иначе никак. Не дадут мне – да и сам не смогу! – на больничной койке отлёживаться, пока товарищи под пулями гибнут, пытаюсь не допустить врага в Киев.

Правда, стыдно признаться, но я очень боюсь. Знаю, что ты прекрасно меня понимаешь, потому и пишу тебе это. Ведь если не с тобой, то с кем ещё о подобном говорить? Остальные слушать не станут, хотя и им страшно. Всем нам! Но вслух такое произносить не позволено, вот мы и отмалчиваемся. Лишь поздно ночью кто-нибудь едва слышно да всхлипнет.

Но ведь это не трусость, верно, милая? Нет ничего зазорного в том, чтобы бояться, ведь так? И разве это не означает, что я ещё жив?

Обычно, когда на меня такое находит, вспоминаю я друга и товарища своего – Петьку. Помнишь, как-то писал тебе о нём? Родом откуда-то из-под Ярославля, весь рыжий и веснушчатый, добрый и улыбчивый паренёк. В первую же атаку забился в какую-то яму на поле и, рыдая, начал молиться. В руках же маленький крестик сжимал. Я тогда вот тоже подумал, что Петька трус и мямля, а он мне потом жизнь спас, из-под обстрела вытащил. Но крестик свой он всё равно потерял и из-за этого очень расстроился.

А вчера я узнал, что Петьки не стало. Вот и страшно мне теперь, милая. Как вспомню, что там творится, аж мороз по коже! Комиссары нас постоянно агитируют, якобы нет, так просто мы не сдадимся, костями ляжем, но немца дальше не пустим. Хватит, вдоволь уже потоптался он по нашей земле! – кричат они, а мы вынуждены бежать вперёд, на врага, когда кругом рвутся снаряды и свистят пули. Такая эта война – мерзкая и жуткая бойня. И таков перед нами выбор – впереди смерть, а за спиной Родина, отчий дом, ты...

Ты и есть моя Родина, милая!

А как там у вас дела? Как твоя матушка? – обязательно обними её за меня. А что насчёт батюшки? Все так же нет известий? Но ты не расстраивайся, любимая, верю я, что жив он и обязательно вернётся. И ты верь! Это очень важно, иначе просто нельзя. Здесь, на фронте, для всякого солдата жизненно необходимо знать, что дома его любят, надеются и ждут. Потому что тогда ты просто обязан выстоять, не пустив врага ни на метр дальше – ведь там, дальше, вы, самые близкие сердцу люди. Так и со мной обстоит. Таков мой выбор, родная, ведь если не мне – кому ещё тебя защищать?

Последнее время часто думаю о тебе, а твою фотокарточку – ту, где ты с распущенными волосами сидишь на берегу Невы и улыбаешься – храню у самого сердца. Измялась фотокарточка эта, пообтрепалась по углам, но главное,

что она есть, и что каждый новый день я могу видеть твоё озорное лицо, твою ласковую улыбку. Получается, что для меня эта фотокарточка как крестик для Петьки. Только она и придаёт мне храбрости.

Кстати, а что там у вас в Сталинграде слышно? Говорят ли чего о войне, да и в целом какие настроения ходят?

А ты мне почаще пиши, любимая. Для меня весточка из дому очень важна. Она как луч солнца в пасмурную погоду: ещё только заветный конвертик увидишь, а уже радуешься.

За меня же не переживай, вернусь я. Обязательно вернусь! Вот разобьём фашистскую гниду под Киевом, обратим фрица в бегство, и я сразу примчусь к тебе. Знаю ведь, что ждёт меня дома моя ясноглазая голубка, а значит, есть ради кого жить и к кому возвращаться.

Ты главное не теряй надежды, а я обязательно вернусь!

июль 1941

* * *

Привет.

Не умею я писать письма, поэтому, наверное, никогда и не любила это делать. Не знаю как начать, о чём говорить, да и... Столько всяких мыслей, а ручка вот не поспевает. Всё сбивается. Образуется какая-то путаница из слов. Для меня, как прирождённого физика, такой хаос просто невыносим.

Это, кстати, уже моя третья попытка тебе написать. Представляешь? Два письма до этого скомкала и выбросила в ведро. Да, такая вот я, как выяснилось, сентиментальная влюблённая дурёха.

Влюблённая...

И ведь прекрасно знаю, что не нужна я тебе, иначе давно бы уже приехал, был рядом. А мог бы и вовсе не оставлять меня тем душным вечером, когда мы прощались у здания вокзала. Но тебе было наплевать! Ты просто запрыгнул в поезд и умчался обратно в свою блистательную Москву. А я вот вернулась в пустующую квартиру, которую язык не поворачивается назвать домом; к своей скучной работе вернулась...

Увы, нет у меня больше дома! Есть четыре стены и крыша над головой, но это не дом. Для меня домом всегда являлось то место, куда хочется возвращаться. Глупая, лишь теперь я поняла, что главное – это не само место, но человек, ждущий тебя там. А меня в этом городе никто никогда не ждал. Но ведь это так важно, если тебя кто-то ждёт! Это так важно, если кто-то родной считает дни до твоего приезда, с дрожью перечитывает твои письма, надеется и верит. Надеется и верит...

Впрочем, тебе этого не понять.

А помнишь, как мы гуляли по ночной Феодосии, и ты рассказывал об Айвазовском и об особом его отношении к морю? Ночи то были тёмные и звёздные, а в траве стрекотали цикады. Туда-сюда носились мотыльки. О чём-

то шептал прибой. А чуть позже мы сидели на берегу, погрузив ноги в прохладный песок, и ты меня обнимал. Пару раз даже ласково чмокнул в макушку. Я же крепко-накрепко прижалась к тебе, ощущая себя нужной и защищённой. Не поверишь, но я тогда была самой счастливой на свете! Ты казался мне таким удивительным, необычным, со своим видением мира и особым к нему отношением. В принципе, ты и был таким. Только вот я, наивная, не сразу сообразила, что слишком свободен ты, чтоб связывать себя с кем-то, и что свобода эта давно уже покорила твоё сердце, не оставив в нём места для кого-то ещё. А я вот влюбилась. Я поверила твоим словам, пусть и понимала, что это всего-навсего слова. Нет, не ты обманул меня, я сама это сделала. Мне так хотелось быть счастливой, что я придумала себе это счастье. Но я не жалею, даже теперь, когда... когда так больно!

Знаешь, в первые месяцы после Феодосии я действительно тебя ждала. Каждый день ждала. Думала: вот, сегодня-завтра, но ты обязательно постучишься в мою дверь. А когда я открою, ты, улыбнувшись своей хитрющей улыбкой, скажешь-де встречай, вот он ты. Вернулся, скажешь, как и обещал. Я мечтала об этом, но этого так и не произошло. Ты не вернулся. Один день сменялся другим, неделя летела за неделей, а тебя всё не было и не было. Потом наступил дождливый октябрь, и я сдалась, перестала ждать. Поняла, что ты не приедешь. Сидела у окна, смотрела на дождь и рыдала. Ну ответь, разве я не глупая?

А сказать, что причинило больше всего боли? То, что, даже прекратив ждать и попытавшись тебя забыть, втайне от самой себя я всё ещё верила и надеялась, что ты приедешь. Или хотя бы как-то напомним о себе, пришлешь весточку – просто чтоб узнать, как я тут и что со мной.

Но вот уже минуло чуть меньше года, а от тебя ни слуху ни духу.

Хотя... я всё ещё надеюсь. Быть может, однажды и ты поймёшь, какое это счастье – знать, что где-то на свете есть дом, в котором тебя ждут.

Поздно уже. Пора мне закругляться. Завтра предстоит рано вставать. У нас на АЭС намечены важные испытания, требуют и моего присутствия. Нас даже пообещали посетить видные политические деятели. Опять, наверное, дикая суматоха поднимется. Не люблю я всё это. Устала. Очень, очень устала... Развела тут писанину, а как сообщить о самом важном, до сих пор не знаю, поэтому скажу прямо: у тебя родилась дочь. Я назвала её Настенькой. Она маленькая розовощёкая прелесть, и у неё твои глаза. Представляешь? Такие же голубые, как море в ясную погоду, как майское небо...

Смотрю на неё и не нарадуюсь.

И если ты вдруг передумаешь, если вдруг... то приезжай! Возвращайся к нам, потому что мы тебя ждём.

апрель 1986

* * *

Как в своё время Андре Моруа писал некой таинственной незнакомке, так и я теперь пишу тебе. Не стану обещать, что письмо моё будет столь же стилистически выверенным, блистательным по содержанию и вместе с тем полным едкой иронии, как получалось у знаменитого француза, но всё же это письмо. Это – моё обращение, моё послание к тебе, пусть ты и не существуешь...

Сразу же хочу поделиться новостью: на исходе лет я всё-таки выбрался за пределы так приевшейся мне России и наконец-то совершил своё первое путешествие за океан. Ты вот никогда особо в это не верила, даже убеждала меня, что, хоть я и отказываюсь понимать и принимать Родину, но всё же остаюсь истинно русским. А я злился, бурчал в ответ, что ерунда всё это – нет больше Родины, нет России, есть лишь жалкая пародия на неё. Минувший век уничтожил нашу Россию, захватил её грязными мужицкими ручищами, растоптал немецкими сапогами, обернул в красное и швырнул в пасть кровожадного чудовища коммунистического тоталитаризма. Но самое ужасное, как выяснилось, происходит с ней теперь, когда, заблудившись в этом новом времени, несчастная, растрёпанная, она утратила саму себя, пытается равняться на Запад, следовать его идеям.

Нынче же всё, что осталось от нашей Родины – от той, каковой её понимали и чувствовали люди, – это лишь пригоршня пепла, развеянного по миру. Пепла – или, быть может, праха? – что некогда являлся письмами, пережившими своих авторов, пусть и ненадолго...

Ох, и чего я опять разворчался? Ведь, в принципе, права ты была тогда, как права и теперь: я люблю свою Родину – не ту, что навязывает нам телевидение и прочая дрянь, но другую. Ту, что ещё сохранилась в наших сердцах.

Родина, она ведь в людях, а не во флагах и знамёнах, верно?

И теперешнее моё путешествие лишь подтверждает это. Здесь всё чуждо, непонятно и неприглядно. Да, любопытно. Да, всё иначе. Люди вроде как более дружелюбны, но при этом и более настороженны. Сверлят глазами, внимательно изучают, чего-то ждут. Нет привычной душевности, радушия... Словно манекены с нанесёнными лаком улыбками. Словно всё тот же телевизор, где есть игра, но нет искренности, есть эмоция, но нет чувства, есть картинка, но плоская, лишённая глубины.

Если помнишь, однажды я цитировал тебе строки из письма моей дальней родственницы, – письма, так и не отправленного ею пропавшему без вести возлюбленному. Так вот, я считаю, что Родина была в ней, в её любви к человеку, в её горе о происходящем в мире. Родина была в моём дяде, павшем под Киевом в августе 41-го. Родина была в моей двоюродной сестре, погибшей при аварии на ЧАЭС в апреле 86-го. Родина – это ведь не столько земля, правительство и статья в Конституции, сколько культура, чувство, отношение людей друг к другу. Наверное, многим такие мысли покажутся вздором, но

чхать я на них хотел! Я верил и продолжаю верить, что Родину вполне могут сделать два любящих сердца, ведь Родина – это дом, где тебя ждут.

Ну вот, что-то снова я разошёлся. И голова-то сразу заболела, пальцы дрожат. Видимо, давление подскочило. Бывает... слишком часто за последнее время...

Но ты не сердись, не стоит. Ведь ты ж меня знаешь, как никто другой. Кроме тебя у меня и нет никого больше. За всю свою жизнь я так и не построил дома, что мог бы назвать своим, – того волшебного места, куда хотелось бы возвратиться после долгих лет странствий.

Вот ведь коварная судьба! Посмотри: у тех несчастных, растоптанных катастрофами XX-го века, были и дом, и люди, кого они ждали или к кому стремились вернуться. А у меня – старого дурака – нет ни того, ни другого. И ведь живу-то я в относительно спокойное время! Но как-то вот не подумал... решил, будто вполне могу обойтись без всех...

И теперь всё, что у меня осталось – так это ты, моя прекрасная незнакомка, моя выдумка. А ещё у меня есть эта чужая страна, где я, никому не нужный старик, чувствую себя особенно неуютно...

Да уж, покидая Москву, я и представить себе не мог, что так оно всё обернётся в итоге. Верил, что буду ходить, бродить, восхищаться и ни о чём не думать. Но вот, пожалуйста, сижу один в номере, любуюсь на расцвеченную всевозможными огнями ночь за окном и пишу это письмо, прекрасно осознавая, что ты никогда его не получишь. Моё ворчливое послание исчезнет во времени, бесследно сгинет, и никому не будет до него дела. Как никому не было дела и до меня...

Завтра, кстати, мне предстоит ещё один перелёт – из Бостона до Лос-Анджелеса. Практически через весь континент полечу! Хватит, вдоволь уже нагляделся я на Атлантику. Настала пора и Тихий океан посмотреть. Выберусь хоть на пляж, прогуляюсь вдоль берега, подставив своё дряблое тело калифорнийскому солнцу. Надеюсь, солнце это благосклонно отнесётся к моей гипертонии, ха-ха-ха...

С тобой же не прощаюсь, даст бог – споемся. А ещё, насколько бы глупо это не прозвучало, хочу сказать тебе следующее: жди меня, таинственная моя незнакомка, просто жди. Жди там – в своём доме, где-то далеко-далеко отсюда; там, где находится моё сердце и моя, увы, неизвестная мне Родина...

сентябрь 2001

ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА, Россия, Республика Татарстан, г. Тетюши

(Лауреат в номинации «Судьба»)

Родилась 17 декабря 1980 года в г. Буинске Татарской АССР. Автор двух сборников стихов и прозы «За окошком моим» и «Слушаю тишину». Член Союза журналистов РТ. Член Союза российских писателей. Публиковалась в литературном журнале «Аргаташ. Татарстан», коллективном сборнике «Восторг души», литературном журнале «Южная звезда», интернет-журналах «Кольцо А» (Союз писателей Москвы), «Метаморфозы» (Беларусь), журнале для семейного чтения «Иван-да-Марья». Дипломант VI республиканского конкурса «Социальный портрет пожилого человека Татарстана». Работает заместителем руководителя Филиала АО «ТАТМЕДИА» «Редакция газеты «Авангард».

ДОРОГА ДОМОЙ

Дед Игнат вышел на потемневшее от времени крыльцо. По небу, гонимые ветром, неслись рваные тучи, предвещая начало скорого дождя, во дворе беспечно копошились пёстрые молодки во главе с чёрным петухом, за околицей истошно лаял пес, слышен был глухой стук молотка. Спустившись по скрипучим ступеням, старик прошагал до ворот, откинул щеколду. От порыва ветра они распахнулись и с силой ударились о стену деревянной избы.

У дома напротив суетился народ, хозяин – Гришка Трофимов, наскоро забивал окна досками, его супруга Наталья, ещё молодая, плотная женщина, повязанная белой косынкой, спешно грузила узлы и домашнюю утварь в стоявший поблизости ЗИЛ. Завидев старика, она крикнула: «Всё, уезжаем мы, Игнат Фомич, один остаётесь». Он недобро глянул из-под густых бровей и, не решаясь подойти, сел на завалинку, издали наблюдая за суматохой.

Село Русская Карланга некогда было достаточно большим. Ещё в царские времена в центре него стояла белокаменная церковь, в которую по праздникам съезжались православные жители соседних деревень, а неподалёку на площади проходили шумные ярмарки. С приходом социализма по ту сторону речки Карлинки за каких-то полгода выросли коровники и амбары. Колхоз «Путь Ильича» быстро стал одним из передовых в районе, а несколько доярок с молочно-товарной фермы даже ездили в Москву, на ВДНХ. Колокола с церкви сняли и по осени на хранение засыпали в неё зерно нового урожая, а на ярмарочной площади возвели бревенчатое здание – правление колхоза, над входом в которое гордо развевалось красное знамя.

Игнат Фомич по окончании курсов механизаторов по примеру отца стал работать трактористом в колхозе, женился, а с началом войны в числе других мужчин ушёл на фронт. Надежда, супруга его, первый год прилежно писала письма, в которых сообщала, что единственный сын их, Митька, учиться совсем не хочет, приходится им не сладко, живут впроголодь, а корову Пестравку ещё по осени пришлось заколоть. К концу 1942 года связь с родным домом пропала. Лёжа в госпитале после ранения в ногу, Игнат Фомич не

находил себе покоя. Будучи по природе своей человеком грубым и редко дававшим волю чувствам, он нет-нет да и пускал скупую мужскую слезу, боясь подумать о самом страшном. В начале января он получил весть от матери. «От Надьки известий не жди, уехала она и Митьку с собой забрала, – писала она. – Воюй честно, бей врага, а я ждать тебя буду».

Оказалось, что, устав от ожиданий и в поисках лучшей доли, жена его, взяв с собой сына, отправилась вслед за парторгом, который наобещал ей золотые горы. Но на пути в Куйбышев партийный работник женщину с ребёнком покинул, и как дальше сложилась судьба Надежды, никто не знал.

Вернувшись с войны, Игнат Фомич строго-настрого запретил себе думать о ней и Митьке и стал ещё угрюмей.

Началась мирная жизнь, он снова сел на трактор. Через пару лет похоронил мать, да так и жил бобылём, бросая злобные взгляды в сторону женского пола: не мог простить предательства.

Русская Карланга умирала. Закончив школу, молодёжь уезжала на учебу в город и больше не возвращалась. Обмелела Карлинка, опустели коровники, некогда передовой колхоз «Путь Ильича» распался, закрылась школа, а со временем и магазин. На всё село оставались две жилых избы: Игната Фомича да Трофимовых. Но и они сегодня уезжали.

– Дед Игнат, да что ты, ей-богу! И тебе пора съезжать отсюда, – прокричал Гришка.

– Куда ж он поедет, нет у него никого, – одёрнула шёпотом мужа Наталья.

Отложив молоток, перейдя через дорогу, Гришка присел на завалинку рядом со стариком, достал сигаретку, закурил.

– Стало быть, уезжаете, – прервал молчание Игнат Фомич.

– Ну да, – виновато произнёс Гришка. – Квартиру уж месяц как получили, всё тянули с переездом. Так ведь осень скоро, а мы и дров не запасали. В квартире-то нужды в них нет. Наташка уже и на работу устроилась, через неделю выходит... Поваром... В заводскую столовую... Там все наши рядом, и Никишины, и Самойловы, и бабка Марфа тоже. Зря ты, дед, от квартиры отказался.

– А на кой она мне? Здесь родился, здесь и помру.

– Вот чудак ты, дед! Помрёшь один, хоронить-то кто тебя будет?

Ничего не ответил Игнат Фомич. Встал и направился в дом.

– И тебе, дед, счастливого пути, – обиженно сказал Гришка, затушив окурок носком кирзового сапога, и пошёл дальше продолжать свою работу.

К вечеру по крыше забарабанил дождь, ветер успокоился. Всю ночь не спал Игнат Фомич, ворочался, думал над словами Гришки: «А и правда, если помру, на погост меня кто понесёт?» На рассвете он подошёл к окну, глянул на дом Трофимовых. Раньше в это время в его окнах уже горел свет, Наталья вставала рано. Сегодня же соседская изба стояла призраком по ту сторону широкой улицы, пополнив ряды таких же, как и она, оставленных хозяевами.

Ломило поясницу. Перевязав её старой материной шалью, проеденной молью, старик вышел на крыльцо, закурил. Одинокая тяжелая капля сорвалась с крыши и звонко ударилась о перевёрнутое пустое ведро. «Мишка!», – хрипло кликнул он пса. Животное не отозвалось, а лишь виновато выглянуло из конуры, не желая подходить к хозяину.

– Тьфу, и ты туда же! – в сердцах произнёс Игнат Фомич.

Кряхтя, он вернулся в дом, выпил холодного чая и пошёл топить баню. Густой дым повалил из трубы. Раньше каждую субботу всё большое русское село топило бани, бабы пекли пироги и над Русской Карлангой стоял запах сдобы, смешанный со сладкой горечью дыма.

Надрав крапивы, Игнат Фомич сделал из неё веник и с силой отхлестал им себя (лучшее дедовское средство от радикулита!), чисто выбрился. Вернулся в избу, принарядился в белую рубаху, пиджак с орденами и отправился на остановку.

Автобус в райцентр ходил каждый день. Солнце стояло уже высоко, от ночной непогоды не осталось и следа, зеленела напившаяся влаги трава, шелестели умытые дождём берёзки. Остановка – поставленный когда-то Гришкой Трофимовым табурет – находилась рядом с церковью под высокой липой. Присев на него, Игнат Фомич отдышался, глянул на купола, проржавевшие за десятилетия от дождей. Перекрестился. На оголившемся потолочном перекрытии он разглядел тонкую рябину, которая качалась на лёгком ветру. Ждать пришлось недолго, на горизонте появился ПАЗик.

В салоне у окна сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти, на переднем сиденье – Лизавета – дородная вдова из соседней Ивановки.

– Игнат Фомич, ты что это, жениться собрался? Рубаха, ордена, и не гляди, что восьмой десяток, – громко прокричала она и разразилась залиvistым смехом.

– Ну, чего раскричалась, сорока, не глухой, чай, слышу, – грубо ответил он. – На ком жениться-то? На селе ни одной бабы, ни молодой, ни старой.

– А ты, вон, Лизавету в супруги возьми, она – девка на выданье, – присоединился к разговору Стёпка, водитель автобуса. Он тоже родился и вырос в Русской Карланге, но уже лет десять как жил в городе. – Что, говорят, и Трофимовы в райцентр подались?

Игнат Фомич не ответил. Повисла тишина, каждый думал о том, что умирает село, что нет у него будущего.

Прибыв в райцентр, дед напрямик отправился в редакцию местной газеты. Здесь главным редактором работала его племянница Маринка.

– Ты чего не предупредил, что приедешь? – спросила она, увидев старика на пороге своего кабинета.

– Как же я тебя предупрежу? С голубями ежели письмо отправлю, – буркнул он.

– Да, что-то не подумала, дядя Игнат, извини.

– Куда вам, городским, у вас тут вон телефоны.

– Марина Петровна, из Министерства звонили, – на пороге появилась молоденькая секретарша. – Сказали, через час быть.

– Скажи Володе, пусть машину готовит. Скоро тронемся, – ответила редактор.

Девушка скрылась за дверью. Увидев строгий взгляд дядьки, Марина немного стушевалась.

– Верно, по делу приехал?

– А то. Чаи что ли распивать? Знаю, не до меня тебе, и не пришёл бы, да не знаю, к кому обратиться.

– Ну, слушаю, раз так. Чем могу, помогу. Переезжать решил?

– Сказал, никуда из села не поеду. Это вам здесь хорошо дышится, а мне дома вольготно. Надежду найти хочу... Митьку...

На несколько секунд воцарилось молчание. Нарушила его Марина.

– Да... И что это ты полвека жил себе бобылём, а теперь Надежду искать вздумал?

– Тебе знать не положено. Решил, значит, надо так. Ты лучше скажи, поможешь?

– Марина Петровна, машина готова, – снова показалась в дверях кудрявая головка секретарши.

– Сейчас, Любаша, сейчас. Допустим, можно запрос в Куйбышев отправить, – снова переключилась она на Игната Фомича, – так ведь сколько лет прошло, и не факт, что до Куйбышева они тогда доехали.

– Факт не факт, а ты попробуй. Окромя тебя никто помочь не сможет.

– Хорошо, запрос я отправлю. Позвоню куда следует. Только ты особо не надейся, может... и в живых их нет уже.

– Ты эти разговоры брось, Маринка!

– Хорошо-хорошо, попробуем. Не сердись. А теперь пора мне. Чаю не предлагаю, не успеваю, сам видишь, в Министерстве ждут. Поехали, мы тебя до села подкинем, по пути.

Минуло тёплое лето, незаметно пролетела золотая осень, наступили серые дождливые дни, похожие один на другой. В надежде на известия о Надежде и сыне, Игнат Фомич прислушивался к каждому шороху. Как-то ночью ему померещилось, что к дому подъехала машина. Сердце старика забилося в предчувствии скорой встречи с родными, он по-молодецки соскочил с лежанки и поспешил на крыльцо, вышел за ворота. Была холодная сентябрьская ночь. Он на пару минут задержался, вглядываясь в даль – ничего. Ругая себя за излишнюю сентиментальность, вернулся в избу и до рассвета ворочался, тщетно пытаясь уснуть.

Наступила зима, вестей ни от жены с сыном, ни от племянницы Игната Фомича так и не было. Старая фотокарточка, чудом сохранившаяся с довоенного времени, на которой Надежда держит на руках Митьку, уже несколько недель законно лежала на столе. Несколько лет, как ненужное воспоминание, она была спрятана в старый сундук: «с глаз долой – из сердца

вон». Теперь каждое утро старик беседовал с семьёй, вглядываясь в молодое лицо Надежды и поглаживая корявым пальцем Митьку на снимке. Он перестал надеяться на встречу и считал, что она не состоится, уже почти смирясь с тем, что слова Маринки о том, что ни жены, ни сына нет в живых, могут оказаться правдой.

Дорогу до Русской Карланги замело, и уже как неделю Игнат Фомич сидел дома, исправно топил печь и жевал закупленные впрок сухари, запивая их холодным чаем. Был канун Рождества. На бревенчатой стене чуть слышно шипело радио. Он невольно вспомнил, как, будучи ребёнком, с ватагой таких же, как он, ряженных мальчишек, в сочельник ходил по домам селян. Во главе весёлой компании шел «звездарь», несущий большую восьмиконечную звезду. Им на протяжении нескольких лет бессменно был Васька Миронов, шустрый рыжий паренёк, за которым закрепилась слава отпетого хулигана. За ним следовал «звонарь» с колокольчиком – Федька Усачёв, а замыкал шествие «мехоноша» с большим мешком для сбора подарков – Савелий Богачёв. Вся ватага останавливалась под окнами домов и дружно пела колядки: «Коляда, коляда! Ты подай нам пирога, или хлеба ломтину, или денег полтину, или курочку с хохлом, петушка с гребешком!» Угощали ребятню, чем могли: пирогами, пастилой, баранками. Всё это потом дружно съедалось. Долго жили в глубинке традиции, несмотря на то, что советская власть объявила, что бога нет.

Игнат Фомич, погрузившись в воспоминания, задремал. За окном стояла тихая морозная ночь, в печи, подмигивая друг другу, догорали угли. Раздавшийся лай пса Мишки заставил старика очнуться от забытья.

– Ух, разбредался! – зло пробубнил он и в надежде, что пёс успокоится, перевернулся на другой бок и с головой укрылся тулупом из овчины. Собака продолжала лаять. Вдруг ему показалось, что кто-то робко стучит в замёрзшее, не закрытое ставнями окно.

Игнат Фомич зажёл свет в передней, взглянул на часы: было без четверти десять. Время позднее, да и кто доберётся до забытого богом села по заметённой дороге? Разве что нечистая сила. Стук повторился с новой силой. Он погасил свет и припал к разрисованному морозом стеклу. Ничего не разглядев, взял фонарик и поспешил выйти на крыльцо.

Пёс по-прежнему остервенело лаял на цепи. С опаской открыв ворота, он увидел молодого мужчину, в полушубке и кроличьей шапке с чемоданом в руках. Сердце старика бешено забилося, ноги подкосились. Он сразу узнал его, Митьку, но в горле стоял ком и долго старик не мог вымолвить и слова.

– Ну, здравствуй, батя! С Рождеством, – произнёс ночной гость, улыбнувшись сквозь густые усы.

Многое видел на своем веку Игнат Фомич, прошёл войну, похоронил отца и мать, испытал немало лишений, но никогда не давал он волю своим чувствам. Сейчас же, обнимая сына, старик не сдерживал рыданий: плакал, не веря в долгожданную встречу, и шептал, шептал сквозь слёзы: «Вот и ты, Митька, мой Митька! Вот и вернулся в отчий дом...»

ЕЛЕНА ХАЛДИНА, Россия, Челябинская обл., г. Касли

(Лауреат в номинации «Судьба»)

Родилась 26 августа 1965 года в с. Большой Куяш Челябинской области. Выпускница Литературных курсов ЧГИК (2018). Автор книги стихов для детей «Множко» (Челябинск, 2018) и сборника рассказов «Деревенские посиделки» (Новокузнецк, 2019). Дипломант Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Поэзия русского слова» (Анапа, 2018), конкурса «Мгинские мосты-2019», XIX фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи-2019», Третьего Межрегионального литературного конкурс «Ты сердца не жалей, поэт» (Багратионовск, 2019)

ВОТ ВЕДЬ СУДЬБА-ТО КАКАЯ

Посвящается моей прабабушке Ступиной Александре Ивановне

Сквозь сон Шурка слышала милые для её сердца слова: «Шанежка! Родная моя-а...». Истома сладко окутала её тело, истосковавшееся по мужниной ласке. Повернувшись на правый бок, левой рукой она машинально прижалась к подушке, на которой раньше спал муж, уткнувшись в неё в полусне, она вдыхала едва уловимый запах мужа...

После будто бы кто-то в окно постучал и тихонько позвал: «Ша-а-нежка-а, я вернулся!». Шурка как полоумная вскочила спросонья с постели, подбежала к окну, спешно раздвинула строчёные занавески. Вглядываясь в крошечную мглу за окном, испуганно спросила: «Кто тут? Андрюша, ты ли чё ли? Тёметь такá ничё не видать».

В ответ ей только ветер за окном проскрипел ставнями, но Шурка в предвкушении долгожданной встречи с мужем громко произнесла: «Сейчас, сейчас, Андрюша, погода малёхо, только лампу зажгу, а после открою!»

Заполошно она подошла к русской печи, ища на ощупь в темноте спички. Найти сразу не удалось.

– И куда подевались, окаянные? Всегда ж в одно место кладу... – негодовала она громко, забыв спросонья, что её дочери спят.

– Мам, ты чё кричишь-то посерёдь ночи? Спать мешашь... – посетовав, старшая дочь перевернулась с одного бока на другой.

– Так отец с войны вернулся, Галинка!

– Вот те раз, когда успел? – спросила дочь недоумевая.

– В окошко постучал только что, а я с радости растерялась, лампу хочу зажечь, да спички найти не могу, всё внутри трясётся, ровно душа того и гляди из груди выпорхнет, как птица.

Ставни от порыва ветра с силой хлопнули по стене избы. Шурка, оправдывая свою нерасторопность, сказала:

– Сейчас, сейчас, Андрюша, иду родимый, только пимы обую.

Дочка испуганно произнесла:

– Ну, батюшки мои, страсть така́... Ты куда, это ж ветер!

– Как ветер?! Папка вернулся, говорю же тебе! – рассерженно ответила ей мать.

Нащупав в темноте спички, она подошла к столу и зажгла керосиновую лампу. От света и шума на печи проснулись младшие дочери Ира и Нина.

– Ма-ам, ты чё не спишь? Случилось чё?

– Папка вернулся, вставайте. Сейчас ворота открою, замёрз наверно совсем, папка-то наш!

– Как вернулся? Он же на войне погиб... – робко переспросила Галинка.

– Да живой он, живой! Говорю же тебе, вернулся!

Младшие дочери, поверив матери, закричали в голос от счастья: «Папка, папка вернулся, ура-а!»

Наспех Шурка сунула ноги в пимы, накинула на голову пуховую шаль. Вышла во двор. Подошла к воротам, отворила их, вглядываясь в темноту, прокричала: «Андрюша-а!». В ответ только ветер хлопнул ставней по стене избы, проявляя своё недовольство: «Кричит, а зачем кричит? Кто поймёт бабу эту...»

Но Шурка не сдавалась, надежда её хоть и таяла с каждой секундой, но всё же теплилась. Она машинально продолжала кричать: «Андрюша-а, родной мой, ты где-кась?»

Ответа не последовало. Посветив лампой около ворот, она не увидела никаких следов, подошла к палисаднику: сугробы перед окнами избы тоже были не тронуты ногой человека. «Как же так, был же, а как будто и не было... Андрюша, Андрюша-а, любимый мой, я тут...»

Шурка ревела навзрыд. Ветер, сжалившись, целовал её озябшие щёки, как будто извиняясь за то, что потревожил ненароком её сон.

Вернувшись в избу, она продолжала реветь. Дочки, увидев её одну, спросили: «Мам, а где папка?»

Она ответила: «Не знаю, спать ложитесь». Но Ире с Ниной уже было не до сна, они теребили мать за подол рубахи, не унимаясь: «Папка, па-а-пка, наш папка где?»

Галька прикрикнула на сестёр: «Тише, не в себе она!». Сёстры поспешно залезли на печь. Кого-кого, а старшую сестру они уважали и побаивались.

Подойдя к матери, Галька обняла её озябшие плечи. Прижав к себе, испугалась, ощутив её большой живот, но, не осмеливаясь спросить о беременности, только и сказала:

– Испугала ты меня шибко, тепёря спать до утра не буду, а там уж как придётся.

– Отец же твой приходил, я же слышала, он кликал меня...

– Мало ли кто кричал? Ложись спать...

– Шанежкой-то меня только Андрюша кликал – отец твой, а боле никто.

– Поблазило тебе, видать... – ответила дочь, а потом, набравшись смелости, испытывая неловкость, задала вопрос. – Мам, ты чё, брюхатая?

– Да ты чё такó матери говоришь-то? Болезнью я брюхатая... А Андрюше своему верна была и буду. Никто мне окромя́ его не нужен. Извелась я вся без него. Не живу, а жизнь доживаю. Неужто ты не видишь?

– Вижу...

– Знал бы Андрюша, какие слова я от тебя услышу... Да и хорошо, что не знает. Не вынес бы он такого срама со своим-то сердцем... Грех такó про мать-то свою говорить...

– Так в деревне невесть что несут бабы... И ты брюхо прячешь, – оправдываясь, сказала дочь.

– Так я брюхо-то прячу, чтобы вас грешным делом не испужать своей болезнью. А ты вот ведь чё про мамку-то подумала. Лихо с тобой...

Галька упала в ноги матери и заголосила:

– Прости меня, прости... Не со зла я такó сказала, а со стыда – думала, что ты и впрямь тяжёлая...

– Ладно, не плачь, ко́ли так, прости и ты меня. Открыться мне тебе давно надо было, а я не решалась. Вот ведь как вышло-то... Ложись спать, дочка, уж вставать скоро... Да и я, пожалуй, лягу, – прошептала мать, укладываясь на кровать. Провалившись в перину, как в объятия мужа, она мысленно обратилась к нему: «Ты только живи, Андрюша, живи, в мыслях моих, в душе моей, в сердце... С тобой-то мне ничего не страшно».

Через две недели Шурки не стало. Перед смертью она наказала старшей дочке: «Умру, так рубаху на меня Андрюшину наденьте, синенькую, он в ней со мной в церкви венчался».

Бабы в деревне удивлялись: «Надо ж, в Казанскую Божью Матерь, венчалась и на неё ж преставилась. Видать, забрал её Андрюша к себе. Вот ведь судьба-то какая...»